С. Годлевскій.

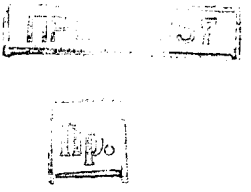
ОСНОВЫ СОВРЕМЕННАГО РАЗВИТІЯ.

ОЧЕРКЪ УМСТВЕННЫХЪ СТРЕМЛЕНІЙ XIX ВѢКА.

Взглядъ на задачу философіи: Канта, Шеллинга, Гегеля, Ог. Конта, Н. Грота, Кавелина, Тома Рибо, Льюиса, Литтре, Шопенгауэра, Тренделенбурга, А. Козлова, Д. С. Милля, Герберта Спенсера, К. Геринга, Риля, П. Милославскаго, Фихтэ-старшаго, Авенаріуса, Б. Чичерина и др. Идея человѣчества въ смыслѣ объединяющаго философскаго принципа.

Домашняя библиотека
Николая Ивановича
Мамонтова
№ 2
шк. пол.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Г. Авсѣенко. Троицкая улица, 22.
1893.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 февраля 1893 года.

2000
31

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Современное умственное развитіе, безъ сомнѣнія, въ значительной степени основано на сближеніи науки съ жизнью и на постепенномъ проникновеніи великихъ общечеловѣческихъ идей въ сознаніе массъ. Въ изслѣдованіи этого исторически-неизбѣжнаго процесса, въ разъясненіи современныхъ объединяющихъ принциповъ, поскольку они проявляются въ различныхъ воззрѣніяхъ на задачу философіи, и наконецъ — въ указаніи условій руководящаго жизненнаго значенія послѣдней, и заключается, главнымъ образомъ, цѣль предлагаемой книги. По замыслу автора, этотъ крайне сжатый и неполный очеркъ умственныхъ стремленій XIX вѣка первоначально долженъ былъ послужить лишь введеніемъ къ обширному философскому труду, общія положенія котораго, насколько они входятъ въ область антропологіи, были высказаны мною еще въ 1879 году, на VI съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, въ сообщеніи подъ заглавіемъ „о нервно-физіологическихъ явленіяхъ въ примѣненіи къ соціологіи“ Но вслѣдъ затѣмъ эта подготовительная работа, на которую ушли лучшіе университетскіе годы, была прервана внезапно и надолго. Судьба забросила меня на далекій востокъ, къ границамъ Манджуріи и Монголіи, гдѣ, по недостатку необходимыхъ книгъ, нечего было и думать о дальнѣйшихъ философскихъ

и научныхъ изысканіяхъ. Поневолѣ разочаровавшись въ возможности довести давно предпринятый трудъ до конца, я рѣшилъ пока ограничиться изданіемъ этого небольшаго вступительнаго очерка, въ нѣсколько лишь исправленномъ и дополненномъ видѣ. Упоминаю объ этомъ единственно лишь въ видахъ объясненія неизбѣжныхъ недочетовъ книги, написанной много лѣтъ тому назадъ, при исключительно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

ОСНОВЫ СОВРЕМЕННАГО РАЗВИТІЯ.

Очеркъ умственныхъ стремленій XIX вѣка.

Конецъ XIX вѣка по общему сознанію представляется нѣсколько загадочнымъ и тревожнымъ... Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще политики не говорили такъ краснорѣчиво о благахъ міра, о необходимости дружнаго общенія народовъ и никогда не готовились такъ обдуманно и спѣшно къ обще-европейской войнѣ; никогда еще человѣкъ не обладалъ такими могущественными средствами матеріальнаго благосостоянія и никогда, быть можетъ, пауперизмъ не выступалъ въ такой ужасающей наготѣ; никогда еще не превозглашалось столько великихъ научныхъ истинъ, и никогда, быть можетъ, не чувствовалось такъ мучительно отсутствіе истины въ окружающей насъ жизни, основанной почти всецѣло на поклоненіи успѣху и подчиненіи слѣпой силѣ совершившихся фактовъ. Мечтатели, сохранившіе еще вѣру въ могущество идеи, и ученые, работающіе въ тиши кабинетовъ, являются въ наше практическое время въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы отверженными. Люди охотно пользуются ихъ познаніями и трудомъ, но смѣются надъ ихъ лучшими вѣрованіями. Мы видимъ, какъ величайшія идеи прошлаго теряютъ постепенно свою силу и гибнутъ оттого, что люди перестали въ нихъ вѣрить. Даже та-

кія чудеса знанія и техники, какъ фонографъ, телефонъ и электрическое освѣщеніе, не въ силахъ разсѣять всеобщаго сомнѣнія въ пользѣ и достовѣрности научныхъ выводовъ. Современный человѣкъ очень часто отвергаетъ благотворное общественное вліяніе даже такихъ знаній, изъ которыхъ онъ извлекаетъ осязательную, практическую пользу. По словамъ нѣкоторыхъ новоявленныхъ „учителей жизни“, наука виновата и въ порчѣ нравовъ, и въ безучастномъ отношеніи къ людскимъ страданіямъ, и въ упадкѣ искусства. Что у жизни своя логика, что дѣйствительность безпощадно разбиваетъ отвлеченные идеалы,— кто же въ этомъ теперь сомнѣвается, и кто, при случаѣ, не злоупотребляетъ этой ходячей фразою? Ею пользуется и развязный фельетонистъ для того, чтобы оправдать свое невѣжество и легкомысленное отношеніе къ выводамъ науки, и дѣлецъ, глумящійся надъ общественной нравственностью, и ловкій политикъ, проповѣдующій политику крови и желѣза во имя государственной необходимости. А между тѣмъ, ровно сто лѣтъ тому назадъ, когда современная наука еще только вступала на болѣе широкій путь, когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни электрическихъ двигателей, мечта пересоздать весь жизненный и общественный строй по велѣніямъ разума казалась такой возможной и близкой. Какъ же объяснить то глубокое разочарованіе въ могуществѣ разума, то болѣзненное равнодушіе къ высшимъ вопросамъ человѣческой жизни, которое вдругъ овладѣло съ такой силой даже лучшими умами конца XIX вѣка, не смотря на величайшія научныя открытія и несомнѣнныя успѣхи знанія. Является-ли это неизбѣжной, но скоропроходящей реакціей противъ увлеченій недавняго прошлаго, или знаменемъ глубокаго разстройства и непримиримыхъ противорѣчій,

лежащихъ, по убѣжденію нѣкоторыхъ самобытныхъ мыслителей, въ основѣ европейской цивилизаціи и науки? Не грѣшатъ-ли въ самомъ дѣлѣ современные философы и ученые излишнимъ стремленіемъ къ спеціализаціи знаній, педантизмомъ и пренебреженіемъ къ живому человѣку, не толкаютъ-ли они науку на извилистый путь, идущій вдаль отъ жизни? Не обусловливается-ли съ другой стороны современный разладъ между наукой и жизнью всеобщимъ упадкомъ нравственности, сказывающейся, между прочимъ, и въ равнодушіи къ успѣхамъ знанія. Суждено-ли когда-нибудь наукѣ и философіи пріобрѣсти вполнѣ жизненное значеніе, осуществивъ, въ предѣлахъ возможнаго, завѣтныя стремленія разума, обуздавъ современную умственную анархію и безповоротно отвергнувъ все, что не находитъ оправданія въ научно-дознанной послѣдовательности вещей? Чего именно недостаетъ современной философіи для того, чтобы вновь пріобрѣсти утраченное ею среди всеобщихъ потрясеній и переворотовъ значеніе? Вотъ злоба нашего времени! Вотъ, безъ сомнѣнія, жизненные вопросы, въ той или другой формѣ волнующіе нашу мысль и совѣсть. Чтобы отвѣтить хотя въ общихъ чертахъ и отчасти на эти вопросы, чтобы понять отношеніе науки къ жизни и опредѣлить размѣры переживаемаго нами кризиса, необходимо уяснить несомнѣнную связь современныхъ умственныхъ стремленій съ событіями той эпохи, когда люди были воодушевлены безграничной вѣрой въ могущество человѣческаго разума и когда безумныя мечты фанатиковъ идеи принимались возбужденной толпой за несомнѣнныя истины; необходимо остановиться на нѣкоторыхъ событіяхъ революціонной эпохи. Затѣмъ я постараюсь, конечно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, представить картину послѣдующаго неизбѣжнаго разочаро-

ванія и дать общее опредѣленіе современной философіи, вытекающее изъ современнаго отношенія между наукой и жизнью.

I.

Въ концѣ XVIII вѣка, 20 преріяля революціонной эры, въ Парижѣ совершилось замѣчательное религіозное торжество: публично поклонялись не тому Богу, который, подъ видомъ распятаго Христа, неизгладимо запечатлѣлся въ сознаніи европейскихъ народовъ, а Богу философовъ, высшему существу (être suprême) т.-е. отвлеченной идеѣ, выражающей высшій смыслъ міровой жизни, постигнутый человѣческимъ разумомъ. Верховнымъ жрецомъ на этой небывалой церемоніи явился извѣстный вождь революціи—Робеспьеръ.

Изъ рѣчи, произнесенной имъ незадолго передъ тѣмъ (18 флореаля—7 мая) въ народномъ собраніи, вполнѣ очевидно, что все было устроено съ цѣлью сближенія философіи съ религіею, разума съ вѣрою, что надѣялись такимъ образомъ произвести впечатлѣніе на темный народъ, завладѣть его религіозными чувствами въ пользу революціонной идеи.

И такъ, угнетенный въ теченіи многихъ вѣковъ человѣческій разумъ, который „святая инквизиція“ напрасно пыталась смирить огнемъ и желѣзомъ, отожествляя его съ дьяволомъ, восторжествовалъ наконецъ, и поклоненіе ему подъ видомъ высшаго существа было возведено дѣятелями революціи на степень государственной религіи. Жертвы инквизиціи были отмщены. На смѣну средневѣковыхъ фанатиковъ вѣры, въ родѣ Григорія Великаго, Филиппа, Альбы, Торквемады, Арбуэса, явились фанатики отвлеченной

идеи—Дантонъ, Маратъ, Бараръ, Робеспьеръ, Колло-д'Эрбуа, Бильо, Варенъ, Геберъ — безжалостно низвергшіе старый строй и мечгавшіе сразу передѣлать и людей, и жизнь по заранѣе составленному плану. Однако, ни одному изъ этихъ фанатиковъ не удалось овладѣть народными чувствами, какъ овладѣли въ свое время Гогама и Магометъ, и двинуть массы по избранному ими пути. Они вѣрили въ народъ, но народъ имъ не повѣрилъ.

Напрасно энтузіасты ждали отъ него сочувствія, проповѣдуя, что „сила разума и сила народа одно и то же“ [1]).

Вскорѣ кровавый опытъ показалъ, что въ сознаніи народномъ заключена лишь сила вѣры и непосредственнаго чувства, а сила критическаго разума проявляется по преимуществу въ интеллигенціи и что дѣло обще-человѣческаго развитія осуществляется лишь подъ условіемъ взаимодѣйствія и постепеннаго слія-нія этихъ двухъ разнородныхъ историческихъ началъ. Признавъ безусловный авторитетъ массы, въ смыслѣ высшаго выраженія человѣческаго разума, и передавъ такимъ образомъ всецѣло въ ея руки задачи и стремленія интеллигенціи, фанатики революціи сами погубили себя и свое дѣло.

Перечитывая теперь, почти сто лѣтъ спустя—„Père Duchesne“, столь распространенную во время революціи газету Шомета, мы видимъ, какъ поняла темная улица затѣянное философами и политическими мечтателями дѣло свободы и разума. „Наступитъ время, восклицаетъ между прочимъ уличный журналистъ,—когда любовь отца къ сыну и дѣтская привязанность сына къ отцу будутъ наказываться, какъ

[1]) Слова члена партіи «горы»—Геро-де-Сешаль, сказанныя съ трибуны въ собраніи представителей народа.

посягательства на естественную свободу людей". Ничего подобнаго мы не найдемъ даже въ современныхъ газетахъ. Можно подумать, что органъ Шомета редактировался въ домѣ умалишенныхъ. Но нѣтъ, онъ издавался въ „столицѣ міра" и служилъ лучшимъ выразителемъ ходячихъ взглядовъ того грознаго времени, когда толпа рѣшала вопросы о жизни и свободѣ человѣка, и гильотина ежедневно срѣзывала въ одномъ только Парижѣ по 80 человѣческихъ головъ. Внезапно призванная къ власти и къ осуществленію на землѣ „царства разума", толпа исполняла свою роль по мѣрѣ силъ и разумѣнія, пока, наконецъ, дѣло революціи не превратилось въ настоящій фарсъ: въ одно прекрасное утро столичная чернь торжественно превозгласила „богиней разума" одну извѣстную оперную танцовщицу и при звукахъ музыки, подъ бѣлымъ покрываломъ, ввела новоявленное божество въ собраніе представителей народа, которые и не задумались подчиниться этому проявленію „народной воли".

Съ тѣхъ поръ много событій пронеслось надъ Европой, и не въ одной только Франціи правительства мѣнялись, какъ перчатки. Въ борьбѣ истрепались славныя нѣкогда знамена, громкія слова опошлились, и кости пресловутой „богини разума" давно истлѣли въ могилѣ.

Вмѣсто царства разума, о которомъ мечтали дѣятели революціи, вскорѣ вновь наступило царство Бурбоновъ, и стрѣлка на часахъ исторіи была подвинута назадъ дерзкою рукою Меттерниха, взявшаго на себя неблагодарную и непосильную роль руководителя судебъ монархической Европы. Однако, вопреки ему, событія шли своимъ чередомъ, и вѣчная мечта всѣхъ благороднѣйшихъ умовъ, мечта все познать и все перестроить по велѣніямъ человѣческаго разума, не по-

гибла. Подавленная ужасами революціи, наполеоновскими войнами, священнымъ союзомъ—въ политикѣ, она сказывается съ особенною силою въ философіи. Съ двадцатыхъ годовъ и до конца пятидесятыхъ—въ ея области замѣчается сильное движеніе, почти лихорадочная дѣятельность.

И это вполнѣ понятно: когда въ политикѣ торжествуетъ грубая сила и все идетъ на перекоръ здравому смыслу, когда общественные идеалы утрачиваются, и вѣра въ разумность массъ падаетъ, какъ пала она послѣ революціи, то невольно человѣкъ ищетъ исхода сомнѣніямъ своимъ въ личныхъ идеалахъ и въ сознаніи своемъ стремится возстановить поруганную въ мірѣ правду. Послѣ революціи всѣ пробужденныя ею великія ожиданія и погибшія мечты находятъ выраженіе свое въ философіи. Путемъ отвлеченныхъ выводовъ она пытается достигнуть той же цѣли, къ которой въ сущности стремилась и революція, но только путемъ политическаго переворота. Цѣль эта, проглядывающая во всѣхъ великихъ событіяхъ новѣйшей исторіи,—всемірное торжество разума.

Философы-метафизики, подобно Робеспьеру, Сенъ-Жюсту и другимъ фанатикамъ революціи, надѣялись осуществить ее сразу однимъ могучимъ порывомъ ума и воли. Только орудіемъ своимъ они избрали не гильотину, а идею. Въ этомъ отношеніи они были болѣе правы: дѣйствительно, идея—великая сила, дѣйствительно, все познать—это вѣдь значитъ со всѣмъ примириться, не знать ни колебаній, ни сомнѣній, и твердо идти по своему жизненному пути. Но философы-метафизики не разочли, насколько доступно такое абсолютное знаніе. Они вообразили, что оно скрыто въ глубинѣ человѣческаго сознанія, откуда можетъ быть добыто усиліями одной разумной личности, безъ участія и поддержки человѣчества, вопреки закону по-

степеннаго историческаго развитія, и такимъ образомъ явились прямыми продолжателями революціонныхъ традицій въ области мышленія. Сравнимъ философскія системы XVIII и XIX вѣка и мы увидимъ, какое значительное вліяніе французская революція оказала на спекулятивные умы всѣхъ странъ и всѣхъ направленій. Безъ сомнѣнія, ни у одного изъ до-революціонныхъ философовъ нѣтъ той самоувѣренности и того стремленія все подчинить разуму, какія сказываются, напр., въ произведеніяхъ Гегеля. Правда, всѣ философы вообще стремились придать своимъ выводамъ всеобъемлющій характеръ, затрогивая даже религіозныя вѣрованія. „Нѣтъ ничего столь святаго или полезнаго, говоритъ Кантъ—что должно было бы быть изъято отъ критическаго нелицепріятнаго изслѣдованія“ [1]). Мы знаемъ, что онъ даже навлекъ на себя неудовольствіе министра реакціонера Вельнера за свое отношеніе къ религіи. Но, однако, Кантъ признавалъ самостоятельность нравственныхъ чувствъ, не смотрѣлъ на всѣ явленія жизни какъ на проявленіе идеи, не стремился уложить человѣческую жизнь въ тѣсныя рамки одной абстрактной идеи Признавая невозможность познанія вещей въ себѣ (нуменовъ), онъ понималъ философію лишь какъ науку „объ отношеніяхъ познанія къ существеннымъ цѣлямъ разума, какъ критику его дѣятельности на основаніи понятій, какъ идею возможной науки, не осуществимой „in concreto“, но къ которой необходимо приближаться, пока мы откроемъ надлежащій путь и доселѣ неудачный образъ сдѣлаемъ подобнымъ своему образцу“.

Но для новыхъ поколѣній взглядъ Канта на задачу философіи показался слишкомъ ограниченнымъ. Отъ философіи ждали не простаго знанія, а откро-

---

[1]) «Критика чистаго разума Э Канта», пер проф Владиславова, стр. 553, 616 и 617

вѣній вѣчной истины, которая должна спасти міръ отъ политическихъ бѣдствій, порожденныхъ невѣжествомъ. Къ этой недосягаемо-высокой цѣли и стремится философская мысль.

Только познаніе сущности вещей, познаніе бытія во всей его чистотѣ и полнотѣ составляетъ, по мнѣнію большинства философовъ первой половины XIX вѣка, задачу достойную человѣческаго разума.

„Положительная философія, опредѣляетъ Шеллингъ свою 2-ую философскую систему,—выступаетъ прямо съ такимъ рѣшеніемъ: я хочу того, что стоитъ надъ бытіемъ, что не только сущее, но болѣе чѣмъ сущее, что есть господинъ бытія. Такова философія воли, которая полагаетъ свой предметъ вольнымъ, ни на чемъ не основаннымъ хотѣніемъ“ *).

Но подобная философія, очевидно, ничего общаго съ наукой не имѣетъ, и Гегель, по своему, былъ правъ, говоря, что „только мистики владѣли вполнѣ истиннымъ методомъ философіи“ **).

Дѣйствительно, мегафизика имѣла много общаго съ мистицизмомъ, являясь не знаніемъ въ современномъ значеніи этого слова, а фангастическимъ культомъ разума. И этотъ культъ имѣлъ для нарождающейся интеллигенціи такое же значеніе, какъ религія для первобытныхъ народовъ. Правда, мнимыя философскія откровенія со временемъ оказались дѣтскими иллюзіями, но они сослужили свою службу: они объединяли и воодушевляли людей и въ трудныя времена спасли ихъ отъ сомнѣнія въ вѣчной истинѣ.

Вотъ почему воззрѣнія на задачу философіи характеризуютъ ту эпоху, въ которую они возникли, и

---

*) Опредѣленіе Шеллинга цитируется по переводу проф. Козлова, изъ его сочиненія—«Философскіе этюды», равно какъ и всѣ опредѣленія, которыя приводятся дальше безъ указанія на стр. подлинниковъ

**) «Geschichte der Philosoph.», p. 194, t. III.

указываютъ намъ на направленіе всего умственнаго развитія. Философы XIX вѣка вполнѣ заслуживаютъ названіе передовыхъ борцовъ интеллигенціи, и та самоувѣренность, тотъ, по истинѣ, пророческій тонъ, съ какимъ они превозглашали свои системы, будучи убѣждены, что въ нихъ заключается послѣднее слово человѣческаго развитія, въ высшей степени замѣчательны. Въ нихъ ясно выражается восторженное настроеніе мыслящаго общества 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, которое встрѣчало подчасъ самыя нелѣпыя философскія откровенія съ гораздо бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ величайшія научныя открытія, ознаменовавшія нашъ вѣкъ. Самымъ яркимъ представителемъ этого момента въ умственномъ развитіи Европы XIX вѣка является, безъ сомнѣнія, Гегель. Это — въ своемъ родѣ типъ.

II.

22 октября 1818 года, въ одной изъ аудиторій берлинскаго университета собралась цѣлая толпа слушателей: Гегель, призванный на каѳедру философіи „милостью короля прусскаго“, произнесъ свою вступительную рѣчь. Собираясь снова зажечь угасшій во время предшествовавшихъ политическихъ бурь „священный огонь философіи“, Гегель съ грустью замѣчалъ, что даже въ Германіи, этой единственной, по его мнѣнію, хранительницѣ старыхъ метафизическихъ преданій, нашлись „пошлые люди“, вздумавшіе проповѣдовать невозможность абсолютнаго знанія и подорвавшіе, такимъ образомъ, вѣру въ человѣческій разумъ и истинную науку. Опредѣливъ философію, какъ знаніе абсолютной идеи въ ея истинной и всеобщей формѣ, или какъ „науку о самомъ себѣ познающемъ разумѣ“, Гегель высказалъ, что знаніе это возможно

лишь при безграничной любви къ истинѣ и непоколебимомъ довѣріи къ своимъ умственнымъ силамъ, передъ которыми неизбѣжно должна открыться таинственная сущность вселенной, та животворящая идея, въ силу которой существуетъ все, что есть истиннаго, прекраснаго и божественнаго на землѣ. Гегель считалъ себя компетентнымъ истолкователемъ этой идеи и въ своей философской системѣ стремился обоготворить свою же собственную мысль и измышленнаго такимъ образомъ бога поставить на мѣсто того Бога, о которомъ говоритъ намъ религія. Во введеніи къ энциклопедіи философскихъ наукъ прямо говорится: „Предметъ философіи и религіи одинъ и тотъ же. Обѣ имѣютъ цѣлью истину въ высшемъ значеніи слова, въ томъ, что Богъ есть истина и единственная истина“ *). Страдая, какъ большинство идеалистовъ, крайнимъ самомнѣніемъ и близорукостью, Гегель, въ погонѣ за абсолютной истиной, проглядѣлъ дѣйствительный смыслъ современной жизни. Глумясь, съ одной стороны, надъ опытнымъ знаніемъ и такимъ строго-научнымъ открытіемъ, какъ теорія цвѣтовъ Ньютона, съ другой стороны оправдывая вопіющія безобразія современнаго ему строя, Гегель увлекъ своихъ многочисленныхъ послѣдователей съ прямой дороги научнаго развитія въ метафизическую трясину и подобно блуждающему огню внезапно погасъ, оставивъ ихъ въ непроницаемой темнотѣ. Еще не успѣлъ онъ закончить своей тринадцатилѣтней, шумной дѣятельности въ берлинскомъ университетѣ, какъ появился первый томъ „Курса позитивной философіи“ Ог. Конта **). То было

*) «Логика Гегеля, изд. Леопольдомъ Генингомъ», пер. В. Чижова. Москва, 1861 г.

**) «Cours de Philosophie Positive», Paris, 1830—1842. Послѣ того вышли еще два изданія.

переходное время. Гулъ революціонныхъ громовъ еще не затихъ надъ цивилизованнымъ міромъ. Страсти, возбужденныя французскою революціею и послѣдующими войнами, не улеглись. Умы находились въ состояніи броженія, и скороспѣлыя философскія системы нарождались въ изобиліи, какъ грибы послѣ дождя. Контъ вступилъ въ борьбу съ этою умственною анархіею, главную причину которой онъ видѣлъ во враждѣ, разъединяющей лучшіе умы и обусловленной противорѣчіями въ основныхъ принципахъ, твердость и опредѣленность которыхъ есть первое условіе истиннаго общественнаго порядка *). Въ силу убѣжденія, что только въ наукѣ умъ человѣческій находитъ примиреніе и оправданіе, Ог. Контъ прежде всего безусловно отвергъ произвольныя метафизическія системы, не входя даже въ ихъ детальное разсмотрѣніе, и, какъ извѣстно, ограничилъ область положительной философіи изученіемъ слѣдующихъ приведенныхъ имъ въ схему абстрактныхъ наукъ: математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи и соціологіи. Такимъ образомъ, всѣ вопросы, составлявшіе со временъ Аристотеля **) сущность философіи, всѣ великіе выводы психологіи, установленные трудами такихъ мыслителей, какъ Локкъ, Юмъ, Ридъ, Беркели и др., оказались выброшенными за бортъ положительной системы, которая, по мнѣнію ея творца, знаменуетъ новый фазисъ умственнаго развитія человѣчества. Руководящимъ принципомъ переворота Ог. Контъ выставилъ убѣжденіе въ условности нашего знанія и безполезности всякаго изысканія причинъ и сущностей. И дѣйствительно, убѣжденіе это, являвшееся въ древности

*) «Cours de ph. posit» Т I, стр. 47—49, изд. 1830 г.

**) См. «Aristot Metaphys» Кн I «философъ, обладающій вполнѣ знаніемъ общихъ началъ, вмѣстѣ съ тѣмъ достигаетъ познанія всѣхъ вещей. Суть науки—начала и причины, при посредствѣ ихъ мы познаемъ другія вещи, тогда какъ самыя начала познаются не при посредствѣ другихъ вещей»

БИБЛИО... КОММУНИСТ... АКАДЕМИ...

достояніемъ такихъ выродковъ философіи, какъ софисты и наложившее клеймо позора на имя скептика Протагора, служитъ лозунгомъ современной философіи и открыто исповѣдуется великими дѣятелями современной мысли. На немъ сходятся и позитивная и научно-критическая школы. Что это?—признакъ глубокаго скептицизма и паденія, какъ думаетъ, напр., г. Соловьевъ, или только слѣдствіе полнаго переворота въ философскихъ воззрѣніяхъ? Изъ исторіи мы знаемъ, что, когда во главѣ философіи стояли скептики, глумившіеся надъ стремленіемъ человѣка къ вѣчной истинѣ, и народная вѣра колебалась, то наступало время всеобщаго паденія и распутства. Но прилагать къ нашему времени безусловно общую историческую мѣрку нельзя, потому что въ XIX столѣтіи міромъ овладѣваетъ новая, великая сила, почти неизвѣстная въ древности,—наука. Вліяніе ея настолько велико, что сказывается на всей современной жизни и съ каждымъ годомъ все глубже проникаетъ въ нашъ общественный строй. Невозможно предполагать, чтобы ея примѣненіе къ философіи исчерпывалось исключительно отрицательными результатами. Мы видимъ, какъ изобрѣтеніе телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и цѣлаго ряда паровыхъ и электрическихъ двигателей совершенно измѣнило условія экономическаго быта и промышленности. Мало того, наука накладываетъ свою руку и на западныя государства, ибо что такое въ сущности современныя конституціонныя формы, какъ не первыя, несовершенныя попытки управленія людьми, на основаніи выводовъ разума, путемъ примѣненія къ общественнымъ вопросамъ всесторонняго, гласнаго обсужденія и народнаго голосованія. И хотя результаты управленія на основаніи разума бываютъ подчасъ плачевны и нелѣпы, вслѣдствіе невѣжества массъ, но уже одно это стремленіе подчинить правительствен-

ную власть вліянію коллективнаго общественнаго разума въ высшей степени знаменательно. Очевидно, что философія не могла стать въ сторонѣ отъ общаго теченія жизни и избѣгнуть полнаго подчиненія наукѣ. И здѣсь, какъ и въ промышленности, и въ политикѣ, подчиненіе это выразилось въ поглощеніи личныхъ стремленій массой. И подобно тому, какъ кустарь повсемѣстно раззоряется и гибнетъ подъ гнетомъ фабричной промышленности, такъ и философъ-метафизикъ долженъ въ концѣ-концовъ забастовать передъ массовой умственной дѣятельностью, какая кипитъ въ университетахъ, лабораторіяхъ и клиникахъ, на съѣздахъ и конгрессахъ, въ статистическихъ, историческихъ, юридическихъ и естественно-научныхъ обществахъ. Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ являются, въ нѣкоторомъ родѣ, послѣдними рыцарями-феодальнаго умственнаго строя, не признававшими власти опытной науки и напрасно пытавшимися сохранить свою независимость въ построенныхъ ими метафизическихъ замкахъ. Но замки эти, на видъ очень грозные, при первомъ же натискѣ грядущей науки оказались воздушными, и отъ великихъ философскихъ системъ первой половины нашего столѣтія остались лишь живописныя развалины. А на смѣну рыцарей метафизики, произвольно рѣшавшихъ судьбы человѣчества, идутъ цѣлыя толпы скромныхъ тружениковъ знанія, и вожаки этого движенія—Ог. Контъ, Спенсеръ, Милль—проповѣдуютъ полное подчиненіе личной мысли коллективному опыту человѣчества, выражающемуся въ наукѣ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ отказался отъ ребяческой надежды сразу все постигнуть и всѣмъ завладѣть, ему остается, или на все махнуть рукою и впасть въ крайній скептицизмъ и пессемизмъ, или искать успокоенія въ трудѣ и постепенномъ осуществленіи идеаловъ правды и добра на основаніи достовѣрнаго знанія.

Но возможно-ли такое примиреніе? возможна-ли научная философія, то-есть положительное уясненіе вѣчныхъ сомнѣній, волнующихъ человѣческую мысль, возможны-ли та высшая свобода и высшее счастье, которыя заключаются въ совершенномъ познаніи всего, чѣмъ живы люди, и къ которымъ, въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, напрасно стремились всѣ, истинно-философскіе умы?—вотъ вопросы, въ разрѣшеніи которыхъ и заключается вся суть научнаго развитія, лежащаго въ основѣ, переживаемаго нами, великаго умственнаго переворота.

III.

Торжество знанья въ современномъ обществѣ объясняется очень просто: наука необходима, потому что она является высшимъ, возможнымъ удовлетвореніемъ всеобщаго стремленія къ земному счастью, потому что она въ высшей степени полезна, а полезна она въ силу своего соотвѣтствія съ фактами. Чтобы ни говорили любители старины, все-таки немного найдется охотниковъ ѣздить въ тряской телѣгѣ тамъ, гдѣ проведена желѣзная дорога, жить въ шалашѣ, гдѣ выстроены громадные дома. Нашъ вѣкъ, безспорно, является вѣкомъ матеріальнаго прогресса, обусловленнаго примѣненіемъ выводовъ науки къ труду массъ. Примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ началось лишь со временъ французской революціи. Ея сокровенный смыслъ и заключается въ томъ, что она, путемъ кроваваго опыта и тяжелыхъ разочарованій, научила наконецъ людей искать своего счастья въ дѣятельности разума. Она не принесла человѣчеству сразу всѣхъ тѣхъ благъ, о какихъ мечтали горячія головы, не дала фантастическаго естественнаго ра-

венства, братства и свободы, но за то повлекла за собой быстрое развитіе науки, которая со временемъ можетъ привести и къ равенству, и къ братству, и къ свободѣ, и къ счастью, если только разумное существо можетъ быть вообще свободно и счастливо на землѣ. Освободившись отъ средневѣковыхъ суевѣрій, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ сбросилъ тяготѣвшее надъ нимъ общественное иго, вотъ почему совпаденіе великаго философскаго, научнаго и революціоннаго движеній не можетъ считаться простою случайностью. Достаточно самаго поверхностнаго взгляда на общественныя событія послѣднихъ трехъ столѣтій, чтобы убѣдиться въ неразрывной связи дѣла революціи съ развитіемъ науки вообще и науки о человѣческомъ духѣ и обществѣ въ особенности. Безъ сомнѣнія, оба эти величайшіе факта всеобщей исторіи представляются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общей причины— духа сомнѣнія и изслѣдованія, критической дѣятельности разума въ борьбѣ его съ средневѣковыми вѣрованіями и учрежденіями. Революція является страстнымъ, стихійнымъ, а наука обдуманнымъ и спокойнымъ выраженіемъ аналитическихъ способностей и стремленій человѣческаго духа. Первая представляетъ отрицательное, вторая — положительное, творческое проявленіе этихъ стремленій до такой степени, что взятыя порознь онѣ представлялись бы непонятными, необъяснимыми фактами въ исторіи Европы. Очевидно, наука вообще, особенно соціологія, не могла бы развиваться, если бы революція не нанесла смертельнаго удара, подавлявшимъ соціальную идею, средневѣковымъ догматамъ и не создала новыхъ общественныхъ фактовъ, представляющихъ неоцѣненныя данныя для уразумѣнія прошедшаго. Съ другой стороны, революція была бы лишена смысла и цѣли, если бы наука не указала разумнаго исхода могучимъ, но слѣ-

пымъ революціоннымъ стремленіямъ. Кровавый терроръ было бы чудовищнымъ историческимъ преступленіемъ, болѣе отвратительнымъ, чѣмъ Варфоломеевская ночь, если бы онъ не былъ вызванъ роковою необходимостью дальнѣйшаго умственнаго развитія. Но, безъ сомнѣнія, революція съ ея неисчислимыми послѣдствіями является роковою реакціею противъ среднихъ вѣковъ, единственно возможнымъ окончательнымъ исходомъ изъ нихъ. Средневѣковыя орудія инквизиціонной пытки и революціонная гильотина находятся между собой въ самой тѣсной исторической связи: первыя возникли изъ крайностей воображенія; они были направлены къ поддержанію господствовавшихъ въ средніе вѣка вѣрованій и суевѣрій, къ возвеличенію религіознаго авторитета, къ подавленію зарождающейся раціональной критики, къ вѣчному порабощенію человѣческаго разума. Гильотина, наоборотъ, явилась орудіемъ протеста противъ абсолютнаго религіознаго и политическаго авторитета, противъ произвольныхъ фантастическихъ положеній, служившихъ ему историческимъ основаніемъ и оправданіемъ. Люди, пустившіе въ ходъ столь простое и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное орудіе, надѣялись доставить торжество законнымъ интересамъ обездоленнаго народа, разсѣять угнетающія его, подобно кошмару, нелѣпыя формы, посредствомъ систематическаго срубливанія аристократическихъ и бюрократическихъ головъ. Это была страшная крайность, но подобная крайность является роковымъ послѣдствіемъ естественныхъ стремленій человѣческой природы, въ теченіи многихъ вѣковъ порабощенной, униженной, сдерживаемой страхомъ кнута въ сей жизни и вѣчныхъ адскихъ мученій въ жизни загробной, и выпущенной, наконецъ, на волю духомъ отрицанія и сомнѣнія. Вотъ почему, представляя, въ частности, рядъ безполезныхъ преступленій и кровавыхъ сценъ, французская рево-

люція, въ цѣломъ, является великимъ историческимъ актомъ, исполненнымъ глубокаго значенія. По мѣрѣ того какъ время снимаетъ съ нея завѣсу страстей, люди убѣждаются, что дѣло свободы должно быть дѣломъ разума, а не вражды, и такимъ образомъ революціонная борьба неизбѣжно приводитъ человѣчество къ болѣе глубокой и вмѣстѣ съ тѣмъ къ безкровной революціи, называемой наукой. Задача XIX вѣка, являющаяся дальнѣйшимъ развитіемъ основныхъ стремленій европейской цивилизаціи, и заключается въ возстановленіи правъ разума, нарушенныхъ въ средніе вѣка. Цѣль эта еще не достигнута. Но, конечно, и теперь уже не можетъ быть сомнѣній, что подобную задачу въ состояніи рѣшить лишь наука. Мы вѣримъ, что она восторжествуетъ, потому что она въ высшей степени человѣчна и по самой сущности своей не можетъ быть личной или сословной привилегіей, потому что она есть конечный результатъ всякаго цѣлесообразнаго стремленія улучшить человѣческую участь и общественный строй, потому, наконецъ, что въ полномъ и всестороннемъ развитіи она создаетъ человѣчество во всемъ его могуществѣ и величіи.

IV.

Но чѣмъ больше человѣкъ черпаетъ изъ сокровищницы знанья, тѣмъ глубже въ душу его проникаетъ безотчетное, печальное чувство. Мечты такъ прекрасны, а дѣйствительность такъ блѣдна и безотрадна въ сравненіи съ ними: чѣмъ больше мы ее узнаемъ, тѣмъ тяжелѣе становится на душѣ. Эта мысль сказывается уже въ Гамлетѣ—Шекспира, въ Донъ-Кихотѣ—Сервантеса; на ея именно фонѣ выступаютъ такъ жизненно и такъ ярко безсмертные типы. По мѣрѣ

развитія знаній, эта гнетущая идея все больше и больше сковываетъ поэтическую фантазію. И вотъ, въ нашъ вѣкъ знанья по преимуществу, вѣкъ совершившихся фактовъ, вѣкъ крови и желѣза, она проявляется въ изящной литературѣ съ особенной силой. О ней намъ говоритъ съ безпощадной послѣдовательностью и пѣвецъ сомнѣнія Байронъ, и поэтъ народной вѣры графъ Левъ Толстой, и „великій язычникъ“ Гете. И какъ странно! мы не знаемъ ни одного поэтическаго произведенія, въ которомъ идея о необходимости вѣры была бы выражена съ такой глубиной и страстностью, какъ въ „Каинѣ“, 3-хъ актной мистеріи скептика Байрона. Напр., тотъ моментъ ея, когда Люциферъ является искушать перваго братоубійцу. Чѣмъ онъ его развращаетъ? Не гнусной сладостью порока, не злобой, не открытымъ богохульствомъ. Нѣтъ! онъ уговариваетъ его заглянуть въ безконечность на томъ основаніи, что человѣкъ настолько могучъ, чтобы не бояться безграничнаго знанія. И вотъ Люциферъ уноситъ на мгновеніе Каина къ границамъ бытія, откуда земля кажется лишь свѣтящимся червякомъ, затерянным въ безконечности, и показываетъ пораженному Каину таинственную область смерти, гдѣ, подобно испуганнымъ сонным птицамъ, снуютъ ужасные призраки прошлаго и рѣютъ печальныя тѣни грядущаго. Возвратившись на землю, Каинъ въ глубокой тоскѣ говоритъ брату *):

Я видѣлъ много тайнъ непостижимыхъ,
Великихъ, грозныхъ; множество міровъ,
Прошедшихъ, настоящихъ; вихрь движенья
Звѣздъ, лунъ и солнца; въ небѣ голубомъ
Я музыкой вселенной былъ охваченъ
И съ смертнымъ разговаривать теперь
Я не могу...

*) «Каинъ». Мистерія въ 3-хъ актахъ Байрона, переводъ Д. Минаева.

Видъ молящагося Авеля наполняетъ Каина такимъ безъисходнымъ отчаяніемъ, гнѣвомъ и завистью, что онъ тутъ же убиваетъ брата.

А Фауста, напротивъ, молитвенное пѣніе спасаетъ въ тотъ именно моментъ, когда онъ, изнемогая подъ бременемъ невѣрія и ненужнаго схоластическаго знанія, готовится наложить на себя руки. Въ основѣ Каина и Фауста лежитъ одна и также идея, но у Гете она получаетъ иное, болѣе жизненное развитіе: послѣ цѣлаго ряда увлеченій и заблужденій Фаустъ находитъ, наконецъ, исходъ въ борьбѣ съ моремъ за клочекъ земли, въ трудѣ на пользу народа.

И такъ, знаніе только тогда перестаетъ быть бременемъ для человѣка, когда оно является орудіемъ осуществленія его лучшихъ стремленій, когда оно проникаетъ въ жизнь, когда на немъ зиждется весь правовой строй. Живой человѣкъ стремится прежде всего къ счастью, а не къ знанью. Онъ не можетъ удовольствоваться абстрактной формулой подобно кабинетному ученому. По мѣрѣ накопленія знаній его сомнѣнія ростутъ. Онъ убѣждается, что его желанія безконечны, что ихъ надо ограничивать, такъ какъ полное удовлетвореніе ихъ невозможно: это—бочка Данаидъ, которую не въ состояніи наполнить никакіе паровые и электрическіе двигатели. Вотъ почему техническія открытія и развитіе матеріальнаго благосостоянія не дѣлаютъ человѣка счастливѣе, если они не сопровождаются соотвѣтственнымъ, умственнымъ, нравственнымъ и правовымъ развитіемъ. Если бы одному изъ гордыхъ властелиновъ древняго міра великій пророкъ въ видѣ поученія предсказалъ, что чрезъ нѣсколько тысячелѣтій люди будутъ жить въ домахъ, своими размѣрами и удобствами превосходящихъ древніе царскіе дворцы, что они будутъ передавать свои слова посредствомъ проволоки въ дру-

гую часть свѣта, что посредствомъ телефона они будутъ вести разговоръ за сотни верстъ, что они будутъ летать по воздуху, переплывать океаны и переноситься изъ одной земли въ другую съ необычайною быстротою, и въ то же время будутъ скорбѣть о своей бѣдности и ничтожествѣ, то властелинъ навѣрно бы подумалъ, что пророкъ его морочитъ, а между тѣмъ, старыя пророческія слова о ничтожествѣ земнаго какъ будто сбываются въ наши дни,— не смотря на всѣ чудеса новѣйшей техники. Массы народа по-прежнему коснѣютъ въ бѣдности и невѣжествѣ, и безотрадная мысль о ничтожествѣ цивилизаціи, о безполезности современной науки съ особенной силой овладѣваетъ умами даже лучшихъ людей и открыто высказывается въ цѣломъ рядѣ философскихъ и художественныхъ произведеній. При подобныхъ условіяхъ научное направленіе въ философіи, отвергнувшее старыя претензіи подчинить весь міръ нашимъ фантазіямъ и желаніямъ, является въ высшей степени многознаменательнымъ фактомъ. Стремленіе древнихъ философовъ „объять необъятное“ и „собственнымъ умомъ“ постигнуть сущность всѣхъ вещей объясняется только незнаніемъ природы. Ученый, посвятившій всю жизнь наблюденію какого-нибудь уголка жизни, долженъ сознаться наконецъ, что онъ не достигъ совершенства даже въ избранной имъ спеціальной отрасли. Но, если ему дѣйствительно удалось хоть на одинъ шагъ двинуть впередъ свою науку, имя его переходитъ въ потомство. Между тѣмъ какъ гимназистъ 3 класса наивно воображаетъ, что ему немного уже остается, чтобы постигнуть всю человѣческую премудрость. Невѣжество и дерзость всегда идутъ рука объ руку. Дикарь даже не задается вопросомъ о сущности всѣхъ вещей, наивно принимая кажущееся за дѣйствительное; кое-какъ обтесавъ

камень въ форму человѣка, онъ превозглашаетъ, что это богъ, и входитъ съ нимъ въ разговоры. Въ Ханькоу на дворѣ кумирни стоятъ идолы, подвергшіеся тѣлесному наказанію и разжалованію за то, что они не оказали китайцамъ помощи въ войнѣ съ французами. Древніе художники имѣютъ дѣло съ богами и богоподобными героями. А теперь, не смотря на поразительные успѣхи художественной техники, все искусство почти сплошь посвящено обыденной жизни. Въ наше время достаточно создать одну хорошую статую рыбака или нищаго, написать интересный романъ или эффектную жанровую картину, чтобы прославиться. Послѣ долгаго опыта человѣкъ убѣждается въ ничтожествѣ своихъ личныхъ мечтаній и подчиняетъ свое творчество высшимъ законамъ творческой природы. Онъ ищетъ прежде всего знанья и чѣмъ больше онъ узнаетъ, чѣмъ больше пріобрѣтаетъ власти надъ окружающими явленіями, тѣмъ большимъ уваженіемъ онъ проникается къ природѣ и научается цѣнить жизнь. И вотъ, въ эпоху величайшихъ открытій, покрывъ землю сѣтью телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и громадныхъ городовъ, въ которыхъ собраны сокровища всего міра, человѣкъ убѣждается наконецъ, что абсолютное знаніе, а слѣдовательно и абсолютная власть надъ природой для него также невозможны, какъ и въ доисторическія времена нищеты и невѣжества, что онъ не властелинъ, а нервное ничтожество, способное безмѣрно страдать отъ пустяковъ, и подобно Фаусту, съ великой болью въ душѣ сознается, что онъ не знаетъ ничего, что точно стоило бы знанія. Ужасное разочарованіе! но оно исторически-неизбѣжно. Относительная философія Конта, Спенсера, Милля является очень кстати въ одно время съ желѣзными дорогами, телефонами и электрическимъ свѣтомъ. Еще нѣсколько вѣковъ тому назадъ, въ эпоху глубокаго невѣже-

ства и инквизиціонныхъ ужасовъ одна мысль, что абсолютное знаніе невозможно, убила бы всякую надежду на освобожденіе и сдѣлала бы невозможными дальнѣйшіе успѣхи знанія. Въ упорной борьбѣ съ средневѣковыми суевѣріями разумъ долженъ былъ или сохранить до конца вѣру въ свое безпредѣльное могущество, или пасть. Абсолютному религіозному догмату, стремившемуся въ лицѣ папы захватить власть надъ міромъ и совѣстью человѣка, онъ смѣло противопоставилъ абсолютный же раціональный догматъ. Такимъ образомъ, въ отрицательной дореволюціонной философіи скептицизмъ необходимо основывается на абсолютизмѣ ея опредѣленій. Теперь, когда свобода совѣсти и разума въ главныхъ своихъ основаніяхъ стала уже совершившимся фактомъ, когда церковь и университетъ могутъ рядомъ свободно развиваться въ свободномъ государствѣ, признаніе ограниченности человѣческаго знанія является симптомомъ не отчаянія и паденія, а напротивъ—торжества науки. Свободный и сознавшій свою силу разумъ неизбѣжно долженъ опредѣлить свои предѣлы и свое назначеніе въ исторіи человѣчества. Чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ на практическомъ поприщѣ, необходимо точно соразмѣрить свои цѣли и силы съ предстоящими трудностями и отбросить преувеличенныя юношескія надежды на безграничное счастье и абсолютное знаніе. Пора страстной революціонной философіи проходитъ безвозвратно. Метафизика теряетъ всякое основаніе и вырождается наконецъ въ пессимизмъ, отвергающій не только пользу знанія, но и смыслъ жизни. Очевидно, подобное направленіе не разрѣшаетъ жизненныхъ задачъ, ибо человѣчество все-таки будетъ жить, хотя бы всѣ философы единогласно рѣшили, что жить не стоитъ. Вотъ почему величайшій пессимистъ Шопенгауэръ можетъ имѣть для насъ значеніе лишь какъ

очень остроумный, талантливый и умный писатель; лишенная же этихъ чисто литературныхъ достоинствъ пессимистическая „Философія безсознательнаго“ Гартмана заслуживаетъ лишь вниманія съ исторической точки зрѣнія, для характеристики переживаемаго нами переходнаго времени. Это и есть тотъ моментъ отчаянія, который такъ геніально очерченъ въ 1-й сценѣ всемірной трагедіи Гете. Разочаровавшись въ возможности достигнуть вѣчной истины, убѣдившись въ тщетѣ науки, потерявъ вѣру въ погонѣ за раціональнымъ знаніемъ, человѣкъ долженъ, подобно Фаусту, или наложить на себя руки, или броситься въ водоворотъ плотскихъ наслажденій, или искать исхода въ развитіи своихъ лучшихъ стремленій, пользуясь опытомъ и знаніями для великихъ обще-человѣческихъ идеаловъ правды и вѣры. Къ этому въ концѣ-концовъ и приходитъ послѣ бурной жизни Фаустъ. Въ этомъ только и можетъ заключаться спасеніе отъ развращающаго вліянія безграничнаго отрицанія и самомнѣнія, лежащихъ въ основѣ раціонализма и воплощенныхъ такъ жизненно въ типѣ Мефистофеля. Первый рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ. Метафизикѣ нанесенъ смертельный ударъ. Стремленіе все постигнуть и все подчинить разуму и заключить вѣчную истину въ бездушную раціональную формулу доживаетъ свои послѣдніе дни. А вмѣстѣ съ тѣмъ заканчивается и бурный періодъ въ развитіи европейской мысли.

V.

Но не успѣла еще метафизика испустить послѣдняго вздоха, какъ ее уже принялись хоронить и отпѣвать. На самомъ дѣлѣ она безвозвратно погибла

для публики, восторги которой она еще такъ недавно вызывала, и, подобно устарѣвшей, нѣкогда обожаемой дивѣ, доживаетъ свой вѣкъ въ забвеніи и одиночествѣ, изрѣдка продолжая еще сводить съ ума не только старичковъ, но и юныхъ философовъ. Ибо пылкія ожиданія, которыя возбуждала метафизическая философія въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, еще таятся въ глубинѣ человѣческаго сердца и не могутъ быть сразу искоренены торжествующей наукой, которая требуетъ упорнаго труда и безжалостно разбиваетъ старыя иллюзіи, говоря намъ объ относительности всякаго знанія. Мы съ горечью и съ великой скорбью убѣждаемся, что никто изъ насъ живущихъ теперь не увидитъ той абсолютной истины, къ которой стремились метафизики, никто не войдетъ въ тотъ край обѣтованный, гдѣ она сіяетъ во всемъ блескѣ. И безвозвратно прошло то доброе старое время, когда невинныя сердца и умы утѣшались пріятной надеждой, что вдругъ какой-нибудь добродушный нѣмецъ-философъ возьметъ да и откроетъ эту вѣчную истину и, какъ на ладони, покажетъ ее всему міру... Пришлось, наконецъ, разстаться съ этой милой мечтой, и тогда люди бросились въ другую крайность. Всякіе проходимцы и скептики съ восторгомъ воспользовались всеобщимъ разочарованіемъ и ухватились за мысль объ относительности человѣческаго знанія, найдя въ ней очень удобное оправданіе жизненскихъ мерзостей. По ихъ словамъ, всякая вообще философія, въ смыслѣ стремленія къ „истинамъ высокимъ“, сущій вздоръ, да на самомъ дѣлѣ и не было ея никогда, а то, что мы считаемъ за философію, есть, въ сущности, несуразный бредъ философовъ, что философское знаніе—призракъ, что, за предѣлами точныхъ эмпирическихъ наукъ, уму нечего дѣлать и т. д., и т. д. Чтобы спасти философію

отъ окончательнаго погрома, ея приверженцы пытались свести ее на какую-нибудь общепризнанную науку. Ее отожествляли и съ психологіей, какъ напр. Кавелинъ въ своей знаменитой книгѣ—„Задачи Психологіи“,—и съ логикой,—и съ антропологіей. Но даже философы по профессіи, оказавшіе значительныя услуги наукѣ разработкой спеціально-философскихъ вопросовъ, должны были признать, въ виду громадныхъ успѣховъ естествознанія, что „философія, какъ особая наука о мірѣ въ его цѣломъ, выходящая изъ общихъ положеній другихъ наукъ, не только ненужна, но и невозможна, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія“. Я говорю о проф. Н. Гротѣ, высказавшемъ этотъ взглядъ еще въ началѣ своей научной карьеры [1]) и не измѣнившемъ его въ сущности, насколько мнѣ извѣстно, и по настоящее время. Для него, какъ и для многихъ философовъ-эклектиковъ, философія представляетъ—flatus vocis—общее названіе круга частныхъ спеціальныхъ наукъ, какъ психологія, исторія философіи, теорія познанія и т. п. По мнѣнію проф. Грота, „особаго фактическаго матеріала на долю особой науки философіи не выпадаетъ“, и всякій, достигшій высшаго развитія, человѣкъ долженъ въ сознаніи своемъ завершить зданіе науки, построивъ надъ этимъ незаконченнымъ зданіемъ нѣчто въ родѣ крыши.

Но эта творческая философская дѣятельность, являясь исключительно личной, не можетъ подлежать точной научной провѣркѣ и войти въ всеобщую систему знаній. Въ этомъ же смыслѣ высказался и другой извѣстный современный психологъ Тома Рибо.

„Всеобъемлющая во всѣ эпохи своего существо-

[1]) «Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ» за 1877 г., отд. II. стр 80 и слѣд.

ванія, говоритъ онъ *), философія и въ будущемъ сохранитъ свою всеобщность, но—въ иномъ смыслѣ. Нѣкогда она обнимала все: выводы и принципы, причины и слѣдствія, общія истины и результаты. Въ настоящее время она представляетъ странное зрѣлище всемірной науки въ извѣстномъ смыслѣ и частной—въ другихъ смыслахъ. Въ будущемъ ея областью станутъ общія умозаключенія о первыхъ причинахъ и основныхъ началахъ всего существующаго. Она будетъ метафизикой и больше ничѣмъ".

„А философія, такимъ образомъ понимаемая, будетъ-ли наукой? Нѣтъ, потому что все научно-познаваемое изъемлется изъ нея. Гдѣ есть возможность наблюдать факты, открывать законы ихъ, вычислять отношенія, тамъ мѣсто для той или другой спеціальной науки. Философіи онѣ оставляютъ только то, что не подлежитъ ихъ рѣшенію. Когда философія сдѣлается тѣмъ, чѣмъ должна быть—совокупностью идей или отвлеченій, станетъ такимъ образомъ внѣ области фактовъ, тогда всѣ поймутъ, что она скорѣе произведеніе искусства, чѣмъ наука. Для однихъ она поэма скучная и плохо написанная, для другихъ поэма возвышенная, могучая, божественная, стремящаяся возсоздать весь міръ въ сознаніи человѣка. Многіе думаютъ, что въ наше время уже пора отказаться отъ такихъ попытокъ, что время дѣтскихъ игръ прошло безвозвратно. Но отказаться дѣло нежелательное, невозможное. Позитивизмъ правъ, не считая метафизику наукой, изгоняя ее изъ области опытныхъ наукъ. Онъ слѣдуетъ по хорошему пути, отдѣляя познаваемое отъ непознаваемаго, не допуская жертвовать знаніемъ ради

*) «La psychologie anglaise contemporaine (école expérimentale) par Th Ribot, ancien élève de l'Ecole normale, agrégé de philosophie» I vol. Introduction, p. p. 12—18. Paris, 1870.

красивой гипотезы, гнуть факты подъ теорію, упускать синицу изъ за журавля въ небѣ".

„Но осуждать всякое изслѣдованіе о послѣднихъ причинахъ, какъ печальную и пустую иллюзію, значитъ умалять человѣческій разумъ. Цѣнность изслѣдованія не измѣряется его успѣхомъ. Искать безъ надежды найти—не безуміе, не пошлость; чего нельзя найти, то можно смутно увидѣть. Истинное благородство человѣческаго ума—не столько въ его выводахъ, сколько въ его цѣли, въ усиліяхъ, которыя онъ дѣлаетъ для ея достиженія. Опытъ много значитъ, но не все. Почему факты болѣе цѣнны, чѣмъ идеи, открытія,—чѣмъ изслѣдованія? Вотъ философія и остается вѣчной попыткой добиться неизвѣстнаго. Послѣдняго слова бытія она не скажетъ, и это—большое счастье. Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ о Богѣ, природѣ, о насъ самихъ было бы смертнымъ приговоромъ для человѣческаго ума. Всѣ любознательные и дѣятельные умы навѣрно согласны съ мнѣніемъ Лессинга, что „гораздо пріятнѣе охотиться за зайцемъ, чѣмъ затравить его". Философія и будетъ поддерживать работу мысли своимъ волшебнымъ и заманчивымъ маревомъ. Возбуждая умъ, возвышая его надъ догматизмомъ, показывая ему таинственное нѣчто за предѣлами науки, она сослужитъ свою службу человѣчеству".

Конечно, если бы философія дѣйствительно была или могла со временемъ обратиться въ искусство, въ отрасль изящной литературы, напр., если бы она была художественной поэмой о таинственномъ нѣчто, если бы философъ, какъ выразился Золя, былъ лишь „музыкантомъ, играющимъ марсельезу гипотезъ, въ то время, какъ ученые идутъ на приступъ неизвѣстнаго" тогда этого музыканта никто бы не слушалъ, потому что философія вообще скучная музыка. Музыкантъ былъ бы вынужденъ наконецъ замолчать, и споръ о

значеніи философіи самъ бы собою прекратился. Но дѣло въ томъ, что философія вовсе не поэма, по крайней мѣрѣ, не современная поэма. Если она до сихъ поръ еще существуетъ, считая свое существованіе тысячелѣтіями, то только потому, что она въ свое время сказала человѣку много великихъ, новыхъ словъ, которыя, если и не выражали вполнѣ истины, то были своевременнымъ умѣстнымъ намекомъ на нее,— указаніемъ на ближайшую историческую цѣль тогдашняго общества. Теперь, когда дѣло, превозвѣстницей котораго являлась философія, нашло свое осуществленіе въ наукѣ, философія опять можетъ сказать новое слово и пріобрѣсть утраченное значеніе, только сдѣлавшись наукою, не музыкою, не поэмою, а наукою въ полномъ смыслѣ слова, или она должна умереть естественною смертью, въ виду пришедшей ей на смѣну науки. Философъ художникъ, философъ музыкантъ! Можетъ-ли быть что-нибудь несообразнѣе?

Представьте, что вы еще интересуетесь метафизикой, еще ждете отъ нея великихъ откровеній, и вамъ попадается—„философія безсознательнаго“ Гартмана, которую, однако, было бы правильнѣе назвать „безсознательною философіею“, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ.

Вы спѣшите купить эту книгу, платите за нее достаточно дорого, потому что философскія сочиненія, не будучи научными, популярными, должны стоить дорого, если вы не захотите подождать времени, когда онѣ на вѣсъ будутъ продаваться въ Апраксиномъ рынкѣ. Вы пріобрѣли и прочитали подобную книгу, затративъ массу времени на уразумѣніе глубокомысленныхъ философскихъ силлогизмовъ и софизмовъ. И что же! оказывается, что авторъ просто музыкантъ, съигравшій философскую марсельезу, или, говоря по просту, сказавшій безсмыслицу, и великодушно предоставляющій

другимъ идти на приступъ неизвѣстнаго. Хорошую шутку съигралъ съ вами этотъ музыкантъ! Конечно, послѣ нѣсколькихъ подобныхъ разочарованій, продолжать заниматься метафизикою было бы крайне неблагоразумно, крайне вредно въ умственномъ отношеніи, потому что всякій раціональный — а стало быть и философскій выводъ, не только не обоснованный фактически, а напротивъ находящійся въ непримиримомъ противорѣчіи съ опытомъ, будетъ, безъ сомнѣнія, заблужденіемъ, а всякое заблужденіе въ большей или меньшей степени вредно. Искать безъ надежды найти, то-есть разсуждать и дѣлать заключенія, зная впередъ, что они не могутъ быть истинны, — а всякія заключенія объ абсолютной истинѣ могутъ-ли быть истинны? дѣлать такія заключенія сознательно — если и не безуміе, то во всякомъ случаѣ пошлость и притомъ крайне вредная пошлость, потому что она вліяетъ развращающимъ образомъ на лучшую, драгоцѣннѣйшую способность человѣка—разумъ. Только непониманіе своихъ дѣйствій, только благородное увлеченіе можетъ служить оправданіемъ современнымъ метафизикамъ. Впрочемъ, и винить ихъ особенно не въ чемъ. Серьезнаго общественнаго значенія ихъ дѣятельность имѣть не можетъ уже потому, что ихъ почти никто не читаетъ, а если кто и слушаетъ и читаетъ, то во всякомъ случаѣ плохо понимаетъ.

Ошибка многихъ и, между прочимъ, Рибо, хотя и отрицающихъ возможность абсолютнаго знанія, но признающихъ цѣлесообразность стремленій къ нему, усматривающихъ въ этомъ стремленіи даже общечеловѣческое значеніе, заключается, очевидно, въ томъ, что они распространяютъ на дѣятельность разума тотъ произволъ, который можетъ быть терпимъ только въ творческой дѣятельности воображенія и чувства. Человѣкъ, безъ сомнѣнія, достигаетъ высшей личной сво-

боды въ сферѣ непосредственнаго художественнаго творчества. Здѣсь его единственная цѣль заставить другихъ перечувствовать жизнь, такъ какъ онъ ее чувствуетъ, возбудить человѣческій духъ къ дѣятельности, къ борьбѣ. Стѣснять свободу творческаго вдохновенія—значило бы унижать человѣческій духъ. Вотъ почему критерій художественныхъ произведеній совершенно отличенъ отъ научнаго и философскаго критерія. Въ первомъ случаѣ, въ основѣ нашего сужденія лежитъ болѣе или менѣе субъективное чувство, вызванное даннымъ произведеніемъ, во второмъ—критеріемъ является степень объективности, степень соотвѣтствія съ дознанной путемъ опыта и наблюденія послѣдовательностью вещей. Есть, напр., въ Эрмитажѣ картина, подъ названіемъ „Сотвореніе міра.“ Конечно, художникъ и не думалъ въ ней изображать кѣмъ и какъ создалась вселенная. Съ нашей стороны было бы даже смѣшно требовать, чтобы онъ далъ намъ хотя приблизительное понятіе о пресловутой первой причинѣ всѣхъ вещей. Цѣль картины—только сообщить зрителю нѣкоторыя чувства относительно сотворенія міра. Цѣль, очевидно, достижимая вполнѣ, потому что воображеніе и чувство далеко не такъ строго ограничены предѣлами дѣйствительности, какъ разумъ, и предметомъ музыкальной пьесы, картины, поэмы можетъ быть все, что сознается, что волнуетъ насъ: необъятный міръ фактовъ и фантомовъ. На занимающей насъ картинѣ мы видимъ первобытный хаосъ: мракъ со всѣми его оттѣнками, несущійся куда-то отрывокъ пламени и посреди блѣдный, неопредѣленный призракъ—облако, изъ котораго выдѣляется величественный обликъ и могучая рука творца вселенной. Неправда-ли, какая грандіозная антитеза: первобытный хаосъ и идеализированный человѣческій обликъ среди безконечности. Мы видимъ два крайніе,

раздѣленные милліардами лѣтъ, момента въ безпредѣльномъ, міровомъ прогрессѣ, и душа наша переполняется невольнымъ сознаніемъ его величія, его безконечной силы. Нашему чувству и воображенію смутно представляется то, что мы напрасно пытались бы формулировать разумомъ. Художникъ, въ могучемъ творческомъ экстазѣ, далеко шагнулъ за предѣлы точнаго знанія, дальше самаго безусловнаго метафизика. Безъ сомнѣнія, онъ заставилъ насъ перечувствовать гораздо больше, чѣмъ всѣ метафизики. Безъотчетное впечатлѣніе, подобно зерну, заронилось въ нашу душу. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, изъ него, быть можетъ, возникнетъ великая идея. Напротивъ, самыя смѣлыя метафизическія умозаключенія не затрогиваютъ сокровенныхъ струнъ нашей души и не возбуждаютъ насъ къ дѣятельности. Они утомляютъ человѣка, истощаютъ его умъ и, пріучая его къ софизмамъ, къ разсужденію на основаніи силлогизмовъ вмѣсто фактовъ, ослабляютъ его способности къ наукѣ и жизни. Причина такого вліянія метафизической философіи заключается въ безразличномъ смѣшеніи творческаго воображенія и критическаго разума, фактовъ съ иллюзіями. Пора наконецъ обуздать этотъ произволъ въ области мысли и выйти изъ заколдованнаго круга, въ которомъ столько вѣковъ вращается человѣческій разумъ. Будучи непремѣнно раціональной, философія должна опредѣлить факты, служащіе для ея выводовъ; она не можетъ быть собраніемъ лишь пустыхъ гипотезъ, потому что гипотеза внѣ фактовъ не можетъ быть терпима въ наукѣ. Опредѣливъ же свои данныя, философія сдѣлается спеціальной наукой, строго опредѣленной и нераздѣльной частью всеобщаго научнаго знанія. Другаго исхода для современной философіи нѣтъ. Посмотримъ же, что сдѣлано въ этомъ направленіи.

VI.

„Въ позитивномъ фазисѣ, говоритъ Ог. Контъ *), разумъ человѣческій, сознавая невозможность абсолютныхъ понятій, перестаетъ доискиваться начала и назначенія вселенной, основныхъ причинъ ея явленій, и стремится лишь, путемъ соотвѣтственнаго примѣненія къ нимъ наблюденія, опыта и сужденія, опредѣлить ихъ дѣйствительные законы, т.-е. ихъ постоянныя отношенія, ихъ послѣдовательность и сходства". Слѣдовательно, существенное отличіе позитивнаго міросозерцанія отъ всѣхъ предшествующихъ (метафизическаго и теологическаго) міросозерцаній заключается въ томъ, что въ основѣ его и въ окончательныхъ заключеніяхъ лежатъ факты и ничего кромѣ фактовъ. Оно безусловно отвергаетъ всякое произвольное понятіе, всякій выводъ, выходящій за предѣлы фактовъ, а слѣдовательно и понятіе объ абсолютномъ, какъ несомнѣнно произвольное, не допускающее строго-фактической повѣрки. Въ самомъ дѣлѣ, единственно возможное знаніе дѣйствительныхъ законовъ природы, будучи знаніемъ наблюдаемой послѣдовательности въ ея явленіяхъ, немыслимо внѣ фактовъ. Цѣль науки, такимъ образомъ понимаемой, заключается въ установленіи опредѣленной связи между безконечно разнообразными явленіями познаваемаго міра и нѣсколькими наиболѣе общими его фактами, число которыхъ постепенно уменьшается, по мѣрѣ прогресса знаній. Высшій, по всей вѣроятности неосуществимый, идеалъ знанія—уменшить число этихъ общихъ фактовъ, или такъ называемыхъ законовъ природы, до одного наиболѣе общаго факта, напр. всеобщаго тяготѣнія. И такъ, всякое научное, а слѣдовательно и философ-

*) «Aug Comte. Cours de Philosophie Positive», I vol, p. p. 9—10, 1863 a.

ское умозаключеніе, отправляясь отъ самыхъ частныхъ и сложныхъ жизненныхъ фактовъ, анализируя ихъ, разлагая ихъ на составные элементы, разлагая эти элементы опять на болѣе простыя составныя части и т. д., приходитъ въ концѣ-концовъ, даже въ случаѣ самаго успѣшнаго развитія, все-таки къ фактамъ, только болѣе простымъ, элементарнымъ. Всѣ, установленные такимъ образомъ, законы, какъ бы они ни были сложны, разъ они установлены и признаны, допускаютъ самую строгую фактическую повѣрку.

Такимъ образомъ, научная истина, въ позитивномъ міросозерцаніи, получаетъ разъ навсегда извѣстное, общее опредѣленіе: она непремѣнно должна быть въ бо́льшей или меньшей степени аналитической, то-есть подлежать частной фактической провѣркѣ. Она не только должна казаться истиной, но и быть въ дѣйствительности истиной для человѣка, т.-е. обусловливаться его организмомъ и средой, представлять нѣкоторый выводъ изъ отношенія ихъ. Она должна, по возможности, находиться въ постоянномъ логическомъ отношеніи къ фактамъ, устанавливаться и измѣняться только сообразно съ фактами, стремиться стать общепризнаннымъ, несомнѣннымъ фактомъ человѣческаго разума. Этой великой цѣли она достигаетъ лишь путемъ постепеннаго освобожденія отъ всякихъ исключительно-синтетическихъ, какъ теологическихъ, такъ и метафизическихъ воззрѣній. Реформа философіи въ духѣ времени, предпринятая позитивизмомъ, осуществляется исключеніемъ всего произвольнаго, личнаго; отнынѣ только факты и умозаключенія, обоснованныя фактически, провѣренныя аналитически, могутъ служить достаточно устойчивымъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія знаній.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ философскія умозаключенія становятся дѣйствительнымъ обще-

признаннымъ знаніемъ, съ совершенно опредѣленнымъ положеніемъ въ системѣ наукъ, и что такое философія въ смыслѣ общепризнаннаго знанія? Въ предисловіи къ 1 тому своего курса, Контъ высказываетъ сожалѣніе, что ему приходится обозначить свою систему избитымъ словомъ философія, за неимѣніемъ другаго болѣе подходящаго. Слѣдуя древнимъ мудрецамъ, въ особенности же Аристотелю, онъ подразумѣваетъ подъ этимъ терминомъ общую систему познаній человѣческихъ. Философія есть понятіе міра (conception du monde), говоритъ онъ затѣмъ не однократно, между прочимъ, очевидно не придавая опредѣленію этой науки большаго значенія *).

Философія есть объясненіе міровыхъ явленій, говоритъ Льюисъ **), въ своемъ изложеніи идей Конта, какъ будто въ самомъ дѣлѣ существуютъ какія-то особыя „міровыя явленія". „Позитивная философія, говоритъ Литтре ***), есть слѣдствіе двухъ операцій: опредѣленія общихъ фактовъ каждой основной науки и группировки или соподчиненія этихъ фактовъ". „Позитивная философія есть такое пониманіе міра, какое проистекаетъ изъ систематизированной совокупности положительныхъ (позитивныхъ) наукъ".

„Философія вообще есть пониманіе міра посредствомъ правильной группировки общихъ фактовъ, или основныхъ истинъ, къ нему ведущихъ; философія какой-либо науки есть пониманіе этой науки, посредствомъ правильной группировки общихъ фактовъ или

*) Въ другомъ мѣстѣ Контъ опредѣляетъ философію, какъ ученіе «объ общностяхъ (généralités), относящихся къ различнымъ наукамъ» и опредѣляющихъ такимъ образомъ ихъ отношеніе между собою.

**) Г. Льюисъ—«Философія наукъ О. Конта.—Изложеніе началъ курса Конта», стр. 21. Впослѣдствіи онъ однако приходитъ къ понятію эмпирической метафизики, какъ науки общихъ началъ или законовъ, установленныхъ наукой. См. «Вопросы о жизни и духѣ», стр 67 и 68

***) Литтре—«Милль и О Контъ» (о положительной философіи) стр. 289—292. «E Littré A Comte et M. Mill», p. 15 et suiv.

основныхъ истинъ, ей принадлежащихъ". Но, въ этомъ смыслѣ, философія отдѣльной науки является лишь связнымъ, послѣдовательнымъ изложеніемъ этой науки, а философія вообще—энциклопедіей всѣхъ положительныхъ наукъ, а не наукой въ строгомъ смыслѣ слова, наукой, установленной на основаніи нѣкоторыхъ спеціальныхъ фактовъ, изслѣдуемыхъ по опредѣленному методу. Философія же не обоснованная фактически, философія безъ спеціальнаго сюжета, или по крайней мѣрѣ особаго метода, философія лишь въ смыслѣ извѣстнаго пониманія и изложенія другихъ наукъ—есть учебникъ этихъ наукъ, есть книжное предпріятіе, а не необходимая отрасль человѣческаго знанія. Зачѣмъ изложеніе, хотя бы самое совершенное, возводить на степень отдѣльной науки? Зачѣмъ отдѣлять пониманіе какой-либо науки отъ самой науки? Зачѣмъ придавать этому пониманію особенное значеніе и названіе философіи? Зачѣмъ присвоивать философу привилегію болѣе совершеннаго пониманія общихъ фактовъ и выводовъ какой-либо науки, когда оно по праву принадлежитъ ученому-спеціалисту? Если до сихъ поръ ученые, подчиняясь общему направленію своей эпохи, вдавались болѣе въ частности и мелочи своей излюбленной науки, предоставляя, чаще всего не спеціалистамъ-философамъ, болѣе широкія и основныя обобщенія, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что такой не нормальный порядокъ вещей долженъ сохраниться навсегда. Появленіе такихъ ученыхъ-спеціалистовъ, какъ Гельмгольцъ, Тиндалль, Менделѣевъ, Н. Вагнеръ, Ф. Мартенсъ, Бутлеровъ и др., давшихъ намъ высокія обобщенія по своимъ спеціальнымъ предметамъ, возвѣщаетъ о приближеніи эпохи, болѣе широкаго и равномѣрнаго развитія.

Но возможно-ли надѣяться, что, хотя со временемъ,

при полномъ развитіи спеціальныхъ наукъ, философія сохранитъ свое преобладающее положеніе, въ смыслѣ лишь общей системы ихъ, какъ предполагаетъ Ог. Контъ и его послѣдователи. Весьма сомнительно. Прежде всего представляется вопросъ: зачѣмъ человѣчеству необходима система наукъ? Для удобства пониманія? Для удовлетворенія врожденнаго стремленія къ единству? Или же для того, чтобы дать человѣку понятіе міра? Но эта цѣль настолько общая, что въ стремленіи къ ней сходятся и вождь позитивистовъ и большинство философовъ враждебнаго лагеря. По мнѣнію, напр., Шопенгауэра, философія должна въ отвлеченномъ понятіи, какъ въ зеркалѣ, представить полное отраженіе міра, и дать познаніе о существѣ его въ его цѣломъ и частяхъ, совмѣстить въ немногихъ отвлеченныхъ понятіяхъ „весь міръ во всемъ его разнообразіи“. По опредѣленію Тренделенбурга, „философія есть наука идеи, если принять идею именно за опредѣляющую мысль цѣлаго въ его частяхъ и общаго въ любомъ единочномъ“ *). Дюрингъ, стоящій съ своей блестящей системой особнякомъ на рубежѣ метафизики и науки, тоже видитъ задачу философіи въ томъ, чтобы „мыслить систему вещей безъ противорѣчія“ **) или, что тоже по его мнѣнію, „выработать надлежащую форму міросозерцанія“. Развивая дальше свою систему, десять лѣтъ спустя, онъ приходитъ къ выводу, что, при быстромъ развитіи знаній, истинно-философское міросозерцаніе уже не можетъ оставаться неподвижнымъ, что, сообразно своей цѣли „дать высшую форму сознанія о мірѣ и жизни“ ***), оно не ограничивается чисто теоретическими научными выводами, но неизбѣжно превра-

*) Тренделенбургъ—«Логическія изслѣдованія», пер. Е. Корша, ч I, стр 6.
**) «Naturliche Dialektik», Berlin, 1865, стр 8—12
***) «Cursus der Philosophie» Leipzig, 1875 стр 1 и 2.

щается въ „настроеніе“, облагораживающее не только личную, но и общественную жизнь. „Философія есть наука о мірѣ, т. е. міросозерцаніе“, говоритъ проф. А. А. Козловъ, *) „подлинной ея задачей всегда было и будетъ построить понятіе міра изъ данныхъ матеріаловъ, т.-е. объективныхъ явленій, вещей при помощи, тоже, данныхъ, субъективныхъ формъ“. Причемъ, въ другомъ своемъ сочиненіи („Философія, какъ наука“), онъ поясняетъ что самымъ основательнымъ философскимъ направленіемъ, по его мнѣнію, является, такъ называемая, „философія воли“, въ лицѣ главнаго представителя Шопенгауэра, опредѣляющая міръ въ смыслѣ бытія, проявляющагося какъ воля, хотѣніе. По мнѣнію О. Конта, превосходство позитивизма заключается въ томъ, что онъ упраздняетъ всѣ подобныя построенія, замѣняя ихъ системой наукъ. Но система наукъ сама по себѣ, какъ таковая, не заключаетъ еще отвѣта на всѣ вопросы философіи, и это всего лучше доказывается тѣмъ, что, устанавливая іерархію наукъ на знаменитомъ своемъ принципѣ перехода отъ общаго къ частному, О. Контъ извлекъ этотъ принципъ не изъ объективныхъ научныхъ данныхъ, а изъ субъективныхъ условій человѣческаго сознанія, которыя онъ напрасно стремился изгнать изъ своей системы. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же вѣдь сказать, что астрономія запечатлѣна большей общностью и простотой, потому что изслѣдуемыя ею явленія на самомъ дѣлѣ просты и общи. Этого мы не знаемъ и знать не можемъ. Мы познаемъ вѣдь міръ настолько, насколько онъ входитъ въ наше сознаніе. И если Льюисъ опредѣляетъ философію, какъ науку о міровыхъ явленіяхъ, то это просто—недоразумѣніе. Всякое понятіе міра возможно

*) «Философскіе этюды» СПБ 1876, стр. 30—46

лишь въ смыслѣ человѣческаго понятія, т.-е. подъ условіемъ нѣкоторой субъективности. Это доказалъ еще Кантъ. На эту же необходимую субъективность всякаго философскаго обобщенія, очевидно, указываетъ и Милль въ своей замѣчательной оцѣнкѣ позитивизма: „Истинное значеніе философіи, говоритъ онъ *), мы принимаемъ въ томъ смыслѣ, какъ принимали его въ древности, т.-е. въ смыслѣ научнаго знанія о человѣкѣ, какъ существѣ разумномъ, нравственномъ, и соціальномъ. Такъ какъ умственныя способности человѣка заключаютъ въ себѣ его познавательную способность, то наука о человѣкѣ обнимаетъ собою и все то, что онъ можетъ знать,—насколько это касается способа познаванія; другими словами, она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлое ученіе объ условіяхъ человѣческаго знанія. Философія науки есть такимъ образомъ ни что иное, какъ сама наука, разсматриваемая не по отношенію къ ея результатамъ, истинамъ, которыя она опредѣляетъ, а по отношенію къ процессамъ, посредствомъ которыхъ умъ достигаетъ этихъ результатовъ, признакамъ, по какимъ онъ узнаетъ эти истины, а также по отношенію къ стройному и методическому расположенію ихъ въ видахъ возможно большей ясности пониманія, равно какъ самаго полнаго и удобнаго примѣненія: однимъ словомъ, это—логика науки".

„Я не могу принять этого воззрѣнія и смѣшать философію съ логикой, возражаетъ Литтре. **) Я знаю, что въ томъ мѣстѣ, которое выписано, говорится о „всемъ, что человѣкъ можетъ знать посредствомъ

*) Джонъ Стюартъ Милль «О Контъ и Позитивизмъ» Отд I, стр. 49, пер подъ ред Н. Тиблена. СПБ. 1867 г

**) См. «Revue des deux Mondes» 1866 г. 15 августа, стр 830—834. «La Philosophie Positive M. Auguste Comte et M. J. S Mill » par C Littré. Сравн В Лесевичъ—«Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи», изд 1877 г., стр 105—119

своихъ умственныхъ способностей", и, если угодно, я соглашусь, что изъ этой формулы можно вывести положительныя науки и можетъ быть ихъ классификацію; но тѣмъ не менѣе справедливо, что, называя философію изученіемъ человѣка, мы сходимъ съ прямой дороги, вѣрно проложенной Контомъ. Философія есть общее изученіе міра, или, въ схолостическихъ терминахъ, объекта; и въ этомъ мірѣ, въ этомъ объектѣ, человѣкъ оказывается на своемъ мѣстѣ, и какъ существо живое, и какъ существо общественное. Ставить человѣка во главѣ философіи — значитъ давать ложное заглавіе, если только мы не хотимъ, послѣ нѣкотораго обхода, выступить снова на объективный путь, или давать ложную методу, если психологическая точка зрѣнія составляетъ дѣйствительную точку отправленія".

Безъ сомнѣнія, отожествлять философію съ логикою, какъ это дѣлаетъ Милль, значитъ принимать часть за цѣлое. Логика, будучи наукою о тѣхъ отправленіяхъ человѣческаго духа, посредствомъ которыхъ достигается истина, опредѣляя только формы научной истины, не исчерпываетъ содержанія философіи, заключающей въ себѣ и реальные элементы, т.-е. нѣкоторыя спеціально-философскія истины. Поэтому опредѣленіе, которое даетъ философіи Милль, слишкомъ ограничено, слишкомъ спеціально и формально, грѣшитъ частностью. Наоборотъ, опредѣленіе позитивизма, Литтре слишкомъ безгранично, грѣшитъ излишней всеобщностью и захватываетъ, несомнѣнно, области другихъ наукъ. Философія не можетъ быть общимъ понятіемъ міра, общимъ его изученіемъ, потому что это дѣло науки вообще, въ смыслѣ совокупности всѣхъ положительныхъ, спеціальныхъ наукъ, а въ томъ числѣ и философіи, ибо общее изученіе явленій не можетъ быть отдѣлено отъ ихъ специальнаго, частнаго изу-

ченія и обособлено въ философіи. Въ смыслѣ же лишь совокупности спеціальныхъ наукъ, философія не можетъ, какъ уже было показано выше, считаться наукою въ точномъ ея значеніи. Съ другой стороны, философія не можетъ быть логикою, потому что обобщеніе человѣческихъ знаній въ одну систему, всѣхъ частныхъ понятій въ одно общее понятіе міра, не можетъ быть исключительно формальнымъ, — въ немъ есть реальные элементы, есть спеціальные факты, изъ которыхъ оно выводится. Только опредѣливъ эти факты, мы можемъ получить опредѣленіе философіи, какъ науки. Новѣйшія поразительныя открытія въ области нервной физіологіи и психофизіологіи и философскія изысканія новокритической школы въ Германіи позволяютъ уже теперь съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что фактическій матеріалъ философіи можетъ быть отысканъ путемъ всесторонняго изученія стремленій человѣческаго духа, въ связи съ дѣятельностью мозга—этого нервнаго клубка, въ которомъ сходятся и переплетаются всѣ нити человѣческаго существованія. Но именно это-то изученіе, поскольку оно входитъ въ область психологіи, и отвергнуто позитивизмомъ. Нельзя согласиться съ Литтре, когда онъ утверждаетъ, что въ системѣ Конта человѣкъ оказывается на своемъ мѣстѣ, и какъ существо живое, и какъ существо общественное. Напротивъ, человѣку-то, т.-е. человѣческой личности, въ позитивной схемѣ наукъ не дано подобающаго мѣста, потому что Контъ не призналъ психологіи, т.-е. науки о душѣ, а лишь соціологію, т.-е. науку о массовомъ развитіи. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что подобная философія, построенная на отрицаніи индивидуальности, невозможна, потому что суть философскихъ изысканій всегда заключалась и будетъ заключаться въ раскрытіи законовъ отношенія индивидуальнаго со-

знанія къ природѣ и обществу. Съ этой точки зрѣнія, позитивная философія представляется незавершенной и какъ бы незрѣлой, и если бы она остановилась на той ступени, на которую ее поставилъ О. Контъ, то она неминуемо была бы поглощена специальными науками.

Чтобы сохранить хоть тѣнь самостоятельности и не потонуть въ массѣ фактическаго научнаго матеріала, положительная философія, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи послѣ Конта, необходимо должна была обособиться, до нѣкоторой степени, отъ спеціальныхъ наукъ и выработать болѣе категорическое опредѣленіе своихъ цѣлей. Эта задача и разрѣшена, до нѣкоторой степени, Спенсеромъ въ Англіи, Рилёмъ, К. Геринromъ, Авенаріусомъ и другими въ Германіи. Я говорю—только до нѣкоторой степени, потому что ихъ опредѣленія задачъ философіи, въ сущности, не далеко ушли отъ опредѣленія позитивистовъ.

VII.

Устанавливая свое понятіе философіи, Ог. Контъ имѣлъ въ виду исключительно современную науку и прежде всего естествознаніе. Спенсеръ до нѣкоторой степени руководствуется и философскими традиціями.

„Оставляя въ сторонѣ древнѣйшія философскія системы, говоритъ онъ *), мы видимъ, что у грековъ, еще прежде чѣмъ возникло общее понятіе философіи, были сдѣланы попытки широкихъ философскихъ обобщеній, заключавшіяся въ гипотезахъ относительно

*) Спенсеръ «Основныя начала», стр. 144. «Система синтетической философіи», §§ 36—38 Переводъ цитаты сдѣланъ авторомъ

всеобщаго начала, составляющаго сущность всѣхъ конкретныхъ явленій жизни. На вопросъ: въ чемъ заключается неизмѣнная сущность, проявляющаяся въ измѣняемыхъ формахъ бытія? отвѣчали различно: „Вода, воздухъ, огонь“. Возникновеніе этихъ всеобъемлющихъ гипотезъ послужило Пиѳагору основаніемъ опредѣлить философію, какъ знаніе болѣе всего удаленное отъ практическихъ цѣлей, какъ „постиженіе вещей нематеріальныхъ и вѣчныхъ“, между тѣмъ какъ причиной „матеріальнаго существованія“, по мнѣнію Пиѳагора, является „Число“. Затѣмъ мы видимъ, что философія стремится къ окончательному объясненію вселенной, объясненію, которое все-таки считалось возможнымъ, не смотря на множество неудачныхъ философскихъ системъ. Въ эту эпоху мы встрѣчаемся съ такими, напр., выраженіями: „Единое есть начало всѣхъ вещей“ „Единое—это богъ“, „Единое—безконечно“, „Единое—конечно“, „Разумъ есть начало, управляющее всѣми явленіями“. Изъ всѣхъ подобныхъ опредѣленій очевидно, что знаніе, къ которому стремилась философія, отличалось отъ всякаго другаго знанія своимъ трансцендентальнымъ, всеобъемлющимъ характеромъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи философскихъ умозрѣній, послѣ того какъ скептики пошатнули вѣру людей въ возможность трансцендентальнаго знанія, возникаетъ другое, болѣе ограниченное, пониманіе философіи. Благодаря Сократу и особенно стоикамъ, философія становится чѣмъ-то въ родѣ науки о нравственности, собраніемъ поучительныхъ жизненныхъ правилъ. Но это не значитъ вовсе, чтобы нравственность, проповѣдуемая философами, соотвѣтствовала ея общепринятому въ то время пониманію. Правила Зенона существенно расходятся съ религіозными вѣрованіями толпы, главнымъ образомъ потому, что философы не обращали въ своихъ умозаключеніяхъ никакого вниманія на

условія обыденной жизни, на событія и настроеніе людей того времени. И такъ, въ вопросахъ нравственности, какъ и въ вопросахъ о сущности явленій внѣшняго міра, философія осталась вѣрна своему основному характеру: она стремилась къ знанію болѣе общему и глубокому, чѣмъ то, которое дается намъ поверхностнымъ наблюденіемъ явленій и вещей".

„Это же убѣжденіе мы выносимъ изъ разсмотрѣнія современныхъ философскихъ системъ. Ученики Шеллинга и Фихте смѣются надъ существующимъ въ Англіи узкимъ понятіемъ философіи, какъ простой совокупности естественныхъ наукъ: астрономіи, физики, химіи, и т. д. Не безъ основанія имъ кажется страннымъ, напр., выраженіе „философскіе приборы". Строго говоря, ни одна изъ статей философскаго журнала „Philosophical Transactions" не можетъ считаться философской. Съ своей стороны, англичанинъ, не безъ основанія, отвергаетъ, какъ безсмыслицу, мнимую философію школъ нѣмецкихъ, все еще стремящихся постигнуть сущность бытія".

„Но какъ ни противоположны современныя философскія воззрѣнія, въ нихъ, однако, замѣчается одна общая черта: ни нѣмцы, ни англичане, ни французы не присвоиваютъ названія философіи такому роду знанія, которое не приведено въ систему и не связано съ другими науками. Даже самый узкій спеціалистъ не рѣшится признать философскаго значенія за трактатомъ, который не даетъ намъ ничего, кромѣ фактовъ и не стремится къ широкимъ обобщеніямъ".

Всякая философія неизбѣжно основывается на предположеніи, что философское обобщеніе способно дать намъ болѣе точное и глубокое знаніе вещей, чѣмъ простая группировка фактовъ и наблюденій, какую мы видимъ въ энциклопедіяхъ. Не смотря на все разнообразіе философскихъ опредѣленій, мы убѣждаемся,

что даже самыя враждебныя философскія школы стремятся въ концѣ-концовъ къ одной общей цѣли,—къ познанію высшей степени общности явленій. Для того, чтобы достигнуть этой высшей степени, и вводятся въ философію различныя идеи:—Природы, Бога, Человѣка, служащія наглядным выраженіемъ этой общности".

„Но умъ нашъ можетъ постигнуть только относительное, говоритъ далѣе Спенсеръ, и это дѣлаетъ невозможнымъ установленіе одного общаго начала, связывающаго всѣ явленія вселенной. Мы сознаемъ дѣйствіе какой-то невѣдомой силы, непрерывно проявляющейся въ вѣчномъ движеніи жизни; но, послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ усилій, должны, наконецъ, отказаться отъ надежды опредѣлить природу бытія независимо отъ частныхъ признаковъ; такимъ образомъ область философіи представляется значительно ограниченной. Намъ остается только область точнаго знанія, т.-е. науки. Наука же заключается въ изученіи сосуществованія и послѣдовательности явленій. Расширяя кругъ своего опыта и наблюденій, человѣкъ постепенно возвышается до самыхъ глубокихъ и основныхъ обобщеній". Но это—дѣло науки; что же остается философіи? На этотъ вопросъ Спенсеръ отвѣчаетъ: „философія является совокупностью самыхъ высокихъ обобщеній". Наука вообще есть только сумма знаній, заключающихся въ спеціальныхъ наукахъ. Это—простая совокупность ихъ, и больше ничего. Наука не знаетъ выводовъ, какіе получаются путемъ объединенія (интеграціи) всѣхъ спеціальныхъ научныхъ данныхъ въ одно законченное цѣлое. По общепринятому опредѣленію, наука слагается изъ истинъ болѣе или менѣе спеціализированныхъ и не возвышается до окончательнаго ихъ объединенія (интеграціи)".

„И такъ, истины философскія находятся въ та-

комъ-же отношеніи къ высшимъ научнымъ истинамъ, въ какомъ эти послѣднія—къ истинамъ низшимъ. Подобно тому, какъ высшее научное обобщеніе охватываетъ обобщенія спеціальныя,—по извѣстной опредѣленной группѣ явленій,—точно также обобщенія философскія обнимаютъ и объединяютъ высшія научныя обобщенія. Поэтому философія, по характеру своему, можетъ быть противопоставлена знанію, полученному путемъ непосредственнаго опыта. Она является окончательнымъ результатомъ дѣятельности ума, начинающейся съ болѣе простаго объясненія безыскусственныхъ наблюденій и постепенно удаляющейся отъ фактовъ, путемъ все болѣе и болѣе широкихъ обобщеній, и доходящей, наконецъ, до всеобъемлющихъ выводовъ. Придавая этому опредѣленію краткайшее выраженіе, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: низшая степень знанія—это необъединенное знаніе; наука есть знаніе отчасти и до извѣстной степени объединенное; философія это—окончательно объединенное знаніе".

Къ сожалѣнію, опредѣленіе, данное Спенсеромъ, повидимому, простое и даже красивое, не только безсодержательно, но и приводитъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ отличить высшую степень обобщенія отъ низшей, а вѣдь на этомъ у Спенсера все построено. Тѣмъ не менѣе, онъ не даетъ на этотъ счетъ никакихъ ясныхъ указаній. Однимъ изъ признаковъ философскаго обобщенія онъ, между прочимъ, считаетъ его широту. Но вѣдь не всякое широкое обобщеніе можетъ быть признано философскимъ. Напр., обобщенія, что у млекопитающихъ кровь теплая, а у рыбъ холодная, или,—что кровообращеніе обусловливается дѣятельностью сердца, и многія подобныя—захватываютъ массу фактовъ, но развѣ это философскія обобщенія? Правда, Спенсеръ

кромѣ того замѣчаетъ, что послѣднія отличаются своимъ всеобъемлющимъ, абстрактнымъ характеромъ и болѣе всего удалены отъ первоначальнаго, непосредственнаго наблюденія, но этимъ свойствомъ въ еще бо́льшей степени обладаютъ математическія формулы, и спенсеровское опредѣленіе философіи можетъ быть цѣликомъ, и пожалуй съ бо́льшимъ основаніемъ, примѣнено къ математикѣ, которая не даромъ получила у древнихъ грековъ названіе науки наукъ, да и въ наше время является могучимъ орудіемъ объединенія наукъ. Затѣмъ невѣрно и положеніе Спенсера, что наука вообще есть сумма знаній, заключающихся въ спеціальныхъ наукахъ, болѣе или менѣе обособленныхъ, и что пробѣлы между ними могутъ быть заполнены лишь при помощи философіи. Безъ сомнѣнія, она можетъ оказать въ этомъ случаѣ громадныя услуги, но всѣ ея усилія будутъ безплодны, если спеціальныя науки не будутъ съ своей стороны тоже стремиться къ объединенію знаній, посредствомъ расширенія области научнаго изслѣдованія. Дѣйствительное объединеніе наукъ можетъ совершиться лишь на основаніи фактовъ, связывающихъ разнородныя явленія природы. Безъ точныхъ наблюденій тутъ не помогутъ никакія философскія обобщенія. Напротивъ, они могутъ оказать, въ иныхъ случаяхъ, даже вредное вліяніе, скрывая подъ блестящими силлогизмами недостатокъ фактическихъ данныхъ. Исторія развитія индуктивныхъ наукъ представляетъ массу примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что сближеніе отдѣльныхъ наукъ между собою очень часто совершалось независимо отъ широкихъ философскихъ обобщеній, и что метафизика относилась враждебно къ этому сближенію на почвѣ точнаго знанія. Однако, нѣкоторые астрономическіе, физическіе и химическіе выводы явились уже достаточно объединен-

ными посредствомъ широкихъ обобщеній и математическихъ формулъ гораздо прежде, чѣмъ Контъ установилъ свою знаменитую іерархію наукъ и создалъ ихъ классификацію. На какомъ же основаніи нынѣ Спенсеръ предоставляетъ дѣло объединенія наукъ всецѣло философіи, по какому праву онъ ограничиваетъ умственную дѣятельность ученыхъ спеціалистовъ и умаляетъ значеніе ихъ трудовъ, говоря, что всѣ высшія основныя обобщенія должны быть предоставлены философамъ. Независимо отъ этого, спенсеровское опредѣленіе философіи представляется совсѣмъ безсодержательнымъ. Всякое раціональное опредѣленіе науки должно заключать въ себѣ указаніе на предметы, явленія, факты, или свойства, подлежащія изученію, на предѣлы этого изученія, на его методу наконецъ. Говоря, что философія, въ отличіе отъ науки, есть окончательно объединенное знаніе, Спенсеръ не даетъ на этотъ счетъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній, не объясняетъ, въ чемъ именно должно заключаться философское знаніе. Мало того, заявляя, что философія есть только высшая степень знанія, составляющаго, въ низшихъ своихъ формахъ, предметъ науки вообще, подчиняя, такъ сказать, науку философіи, онъ не показываетъ, какимъ образомъ послѣдняя объединитъ спеціальныя науки и достигнетъ болѣе совершеннаго познанія, чѣмъ то, которое дается посредствомъ науки. Въ концѣ-концовъ, опредѣленіе Спенсера не представляетъ даже прямаго отвѣта на вопросъ, что такое философія, ибо невозможно ограничиться заявленіемъ, что философія есть высшее знаніе. Намъ надо еще знать, въ чемъ именно заключается это знаніе и почему оно не доступно для науки, словомъ, опредѣлить вполнѣ кругъ спеціально философскихъ вопросовъ. Постараемся точнѣе выяснить, въ чемъ кроется неточность спенсеровскаго опре-

дѣленія и вообще всѣхъ послѣдующихъ философскихъ опредѣленій. Спенсеръ самъ объясняетъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ подобному воззрѣнію. Сравнивая различныя философскія системы, онъ старался опредѣлить общія черты во взглядахъ какъ древнихъ, такъ и современныхъ мыслителей на задачу философіи. Онъ отвергъ все, что составляло и составляетъ предметъ разногласія и что выходитъ за предѣлы человѣческаго познанія, и нашелъ, что развитіе философіи шло путемъ постепеннаго объединенія и расширенія умозрительныхъ выводовъ, и что всѣ мыслители сходятся въ стремленіи своемъ къ знанію болѣе совершенному и всеобъемлющему, чѣмъ то, которое дается намъ путемъ непосредственнаго опыта и наблюденія, и господствующими во всякую данную эпоху нравственными и религіозными воззрѣніями, прибавимъ мы отъ себя. Но затѣмъ, въ своемъ опредѣленіи, Спенсеръ выдвинулъ одну и то не безусловную черту философскихъ системъ, именно—ихъ стремленіе къ болѣе широкимъ и возвышеннымъ обобщеніямъ, упустивъ изъ вида, что эти обобщенія возникли изъ стремленія личности къ истинѣ, изъ недовольства и сомнѣнія въ вѣрности господствующихъ въ данный моментъ идей и идеаловъ. Такимъ образомъ, Спенсеръ смѣшалъ степень объединенія знанія со степенью его философскаго значенія. Но развѣ это одно и то же? Напротивъ, мы видимъ, что иногда въ высшей степени обширное, и окончательное для извѣстной группы явленій, обобщеніе можетъ занимать въ философіи второстепенное мѣсто и даже вовсе не входить въ ея область. Напр., законы тяготѣнія Ньютона, законы Кеплера и Галилея должны быть отнесены къ астрономіи, если мы не желаемъ смѣшивать понятія науки и философіи. На нихъ невозможно построить никакой философской системы, ибо основные философскіе законы выводи-

лись, выводятся и будутъ выводиться всегда и неизбѣжно изъ отношенія человѣческаго сознанія въ природѣ. Судьба человѣка, его назначеніе, его идеалы привлекаютъ вниманіе философовъ гораздо въ бо̀льшей степени, чѣмъ движенія небесныхъ тѣлъ. Вотъ почему, напр., законъ трехъ фазисовъ, установленный Ог. Контомъ, является философскимъ выводомъ въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ законъ Кеплера. На этомъ естественномъ и необходимомъ различіи, существовавшемъ во всѣ времена между выводами опытной науки и философіи, только и можетъ быть установлено правильное опредѣленіе послѣдней. Но мы не находимъ его, ни у Спенсера, ни у представителей ново-кантіянскаго и ново-критическаго направленія въ германской философіи. Чтобы покончить съ этою стороною вопроса, мы переходимъ теперь къ оцѣнкѣ этихъ послѣднихъ воззрѣній на цѣли и средства философской мысли.

VIII.

Переворотъ въ направленіи тяжеловѣсной, нѣмецкой, философской мысли совершился сравнительно недавно. Только въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда отрицательное вліяніе науки на философію въ другихъ странахъ достигло крайнихъ своихъ предѣловъ, болѣе здравомыслящіе нѣмцы спохватились и замѣтили, что ихъ прославленная метафизическая философія разбита естествознаніемъ на всѣхъ пунктахъ и постыдно укрылась въ средневѣковыхъ стѣнахъ нѣкоторыхъ германскихъ университетовъ, откуда она лишь по временамъ дѣлаетъ вылазки противъ науки. Тогда въ философскихъ кружкахъ того времени произошла настоящая паника, и, подобно

разбитой арміи, они стали высматривать крѣпкій пунктъ, чтобы снова собраться съ силами и привести себя въ порядокъ *). Раздался призывъ: „надо вернуться къ Канту", и книга Отто Либмана—„Кантъ и эпигоны", появившаяся въ 1865 году, послужила лозунгомъ крутаго поворота въ направленіи философскихъ изысканій. За этой книгой послѣдовали основательные труды д-ра Германа Когена, Эмиля Арнольдта и цѣлой плеяды, такъ называемыхъ, ново-кантіянцевъ. Но когда стали изучать Канта на основаніи новѣйшихъ, научныхъ данныхъ, то оказалось, что отъ „Критики чистаго разума" и всей вообще Кантовской философіи остается очень немного и что великую цѣнность имѣетъ лишь ея критическій методъ.

Многія основоположенія Канта показались просто ребяческими на ряду съ выводами новѣйшей психологіи. Отвергнутъ былъ и его взглядъ на воспріятіе, представленіе и понятіе, какъ одинаково начальныя психическія функціи и его главное подраздѣленіе познаній—на заимствованныя изъ опыта (à posteriori) и независимыя отъ него врожденныя человѣческой природѣ (à priori). И подобно тому, какъ нѣкогда Контъ, на основаніи своего критическаго метода, дошелъ до сознанія безплодности метафизическихъ поисковъ за истинными основами всякаго бытія и ограничилъ задачу философіи открытіемъ всѣхъ à priori данныхъ элементовъ опыта, такъ и новѣйшіе нѣмецкіе мыслители, примѣняя установленный Кантомъ принципъ критицизма къ его выводамъ, дошли до полнаго отрицанія вообще всякой возможности познанія независимаго отъ опыта (à priori).

Такимъ образомъ, пригодность метода, заключающагося въ критическомъ изслѣдованіи источниковъ

*) См. Фр. А. Ланге «Исторія матеріализма», пер Н Н. Страхова СПБ., 1883, т. II, стр. I

познанія на основаніи его крайнихъ выводовъ, и наоборотъ, лучше всего сказалась въ томъ, что онъ не только остался невредимымъ послѣ паденія философской системы Канта, но и послужилъ могучимъ орудіемъ дальнѣйшаго развитія философской мысли, въ такъ называемомъ ново-критическомъ направленіи. Цѣль этого направленія, по словамъ одного изъ болѣе крупныхъ его представителей—К. Геринга, заключается въ установленіи „такихъ общихъ понятій, которыя выработаны тѣмъ же методомъ, что и частныя—спеціальныхъ наукъ, но общая совокупность которыхъ должна образовать систематическое цѣлое—философію". Если мы теперь бросимъ взглядъ на путь, пройденный философіей со временъ Ог. Конта, и сравнимъ его общее направленіе съ вышеприведеннымъ воззрѣніемъ, то мы должны будемъ признать, что стремленіе философской мысли за послѣднее время, въ сущности, очень мало измѣнилось, и все дѣло сводится не столько къ расширенію круга философскихъ вопросовъ, сколько къ усовершенствованію въ методахъ ихъ разработки. По-прежнему философія отожествляется съ наукой вообще, по-прежнему ощущенію предоставляется исключительная роль въ умственномъ развитіи человѣчества, по-прежнему анализъ господствуетъ надъ синтезомъ; только новокритическое направленіе не стремится, подобно позитивному, заключить человѣческую мысль въ узкую схему шести абстрактныхъ наукъ, не изгоняетъ, подобно Конту, психологіи изъ области философіи, а напротивъ, признаетъ за методомъ самонаблюденія и критики большее значеніе и отводитъ теоріи познанія почетное мѣсто въ системѣ знаній. Безъ сомнѣнія, это шагъ впередъ, но едва-ли дѣятелямъ его суждено достойнымъ образомъ завершить переворотъ въ умственномъ развитіи современной Европы, уже по-

тому, — что взглядъ ихъ на задачи философіи грѣшитъ неопредѣленностью и безсодержательностью. Строго говоря, даже по этому основному вопросу ново-критики высказываютъ взгляды діаметрально противоположные. Одни изъ нихъ, а именно — стоящіе ближе къ Канту, даютъ по существу сходное съ нимъ опредѣленіе философіи, другіе приближаются на этомъ пунктѣ къ Спенсеру и другимъ позитивистамъ. Представителемъ первыхъ, безспорно, является Риль. „Философія, говоритъ онъ въ сочиненіи [1]), составляющемъ плодъ его многолѣтнихъ трудовъ, есть наука и критика познаванія. Есть такое научное разъисканіе, которое прямо направлено на существо познаванія и опредѣляетъ значеніе того, что мы называемъ опытомъ и наукой. Оно знакомитъ насъ не съ той или другой наукой, а учитъ познавать науку вообще и, въ отличіе отъ всѣхъ особыхъ дисциплинъ знанія, выступаетъ представителемъ научнаго духа въ обширномъ смыслѣ, въ цѣлости. Что самосознаніе для индивидуальнаго опыта, то философія для опыта всеобщаго, излагаемаго въ наукѣ; она самопознаніе науки, познаніе приводимое къ разумѣнію самого себя". Все это старо и туманно. Не

---

[1]) «Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма» проф А Риля, пер. Е Корша, Моск., 1888 г Отд. I Гл I «Философія какъ проблемма», стр. 17. Единомышленникомъ Риля въ вопросѣ о задачахъ философіи, до нѣкоторой степени, является и Г П. Милославскій, по мнѣнію котораго, «предметомъ философіи служитъ человѣческое знаніе, какъ одно изъ явленій природы» «Знаніе же есть явленіе природы, наблюдаемое, главнымъ образомъ, въ человѣкѣ, и происходящее съ сознаніемъ или его причины, или его дѣйствія или вмѣстѣ и причины и дѣйствія въ самомъ человѣкѣ и во внѣшнемъ для него мірѣ, а философія есть наука, изслѣдующая явленія человѣческаго знанія въ ихъ общемировыхъ отношеніяхъ и причинной связи и опредѣляющая законы этой связи» Такимъ образомъ, «какъ наука о явленіяхъ человѣческаго знанія, философія обнимаетъ въ себѣ все, что въ человѣкѣ и человѣческихъ обществахъ есть преимущественно человѣческаго Выполняя всѣ свои задачи, она становится цѣльною, связною системою міросозерцанія какъ система всѣхъ явленій знанія, она, очевидно, есть система и всего существующаго, насколько оно извѣстно» П Милославскій — «Основанія философіи какъ спеціальной науки» Казань, 1883 г., стр 217, 236, 430 и 433.

тоже-ли въ сущности давнымъ-давно высказалъ Фихте (старшій). По мнѣнію его, философія прежде всего должна отвѣтить на вопросъ: въ чемъ заключается сущность и форма науки вообще, или, другими словами, какъ возможна наука вообще? И эта-то наука о наукѣ вообще или наукословіе и есть философія. Только Фихте-метафизикъ требовалъ, чтобы она опредѣлила условія и начала всякой достовѣрности и независимо отъ науки создала всѣ свои основоположенія, на которыхъ и должна быть построена система знаній.

А Риль, предоставляя изученіе фактовъ наукѣ, опредѣляетъ философію лишь какъ науку о научныхъ выводахъ, какъ теорію и критику познанія. Изъ этого сопоставленія уже видно, какъ велики завоеванія опытной науки въ области философскаго умозрѣнія и какъ оно послѣдовательно, шагъ за шагомъ, упраздняется до полнаго отожествленія философіи съ наукой. Въ этомъ смыслѣ ново-критическое направленіе философіи продолжаетъ лишь дѣло, начатое Ог. Контомъ, Спенсеромъ и др., и доводитъ его до послѣднихъ выводовъ, дальше которыхъ идти уже некуда.

И съ этой точки зрѣнія опредѣленіе философіи, данное Авенаріусомъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ изложилъ свои взгляды въ философскомъ журналѣ [*]), который редактируется нѣсколькими выдающимися дѣятелями новаго направленія и несомнѣнно является органомъ вліятельнаго и передоваго философскаго кружка въ Германіи.

IX.

Поставивъ, прежде всего, вопросъ о томъ, какимъ именно образомъ философія переходитъ въ науку,

*) Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie 1877.

или, что тоже, по его мнѣнію, какимъ образомъ осуществляется научная философія, Авенаріусъ находитъ, что для этого ей необходимо выполнить два условія, обязательныя для всякой вообще науки. Первое,—разумѣется, заключается въ томъ, чтобы данные философіи были почерпнуты изъ опыта, второе.—чтобы ея матеріалъ представлялся не въ видѣ безпорядочной груды всякаго хлама, случайныхъ свѣдѣній, непровѣренныхъ представленій и обыденныхъ предубѣжденій, а, напротивъ, являлся законченной системой понятій, то-есть, обобщеннымъ въ бо́льшей или меньшей степени знаніемъ, ибо всякое обобщеніе и заключается въ установленіи понятій, очищенныхъ отъ преходящихъ и случайныхъ впечатлѣній и представляющихъ лишь общія и существенныя черты изслѣдуемыхъ явленій. Но разъ философія извлекаетъ свои основанія изъ массы опытнаго знанія, то очевидно, по мнѣнію Авенаріуса, что все различіе между нею и науками спеціальными можетъ заключаться лишь въ бо́льшей или меньшей степени отвлеченія, то-есть, научная философія — ни что иное какъ всеобщая наука, объединяющая частныя понятія спеціальныхъ наукъ въ высшемъ философскомъ понятіи. Такимъ образомъ, подобно Спенсеру, Авенаріусъ смѣшиваетъ степень обобщенія научныхъ положеній съ ихъ философскимъ значеніемъ и, не давая себѣ надлежащаго отчета въ возникающихъ при этомъ несообразностяхъ, доходитъ до полнаго отожествленія науки съ философіей. По его мнѣнію, всякая спеціальная наука, постепенно переходя отъ частныхъ понятій къ болѣе общимъ, въ концѣ-концевъ достигаетъ высшей степени обобщенія подлежащихъ ея изслѣдованію данныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высшей степени своего развитія, завершаясь однимъ наиболѣе отвлеченнымъ понятіемъ, захватывающимъ до нѣкоторой степени области другихъ,

смежныхъ съ нею, наукъ и такимъ образомъ устанавливающимъ между ними связь. Въ этой стадіи своего развитія, наука является уже философіей. Авенаріусъ рѣзко ставитъ это положеніе. По мнѣнію его, теперь вопросъ не въ томъ, возможно-ли существованіе науки безъ философіи, и даже не въ томъ возможна-ли философія, которая не была бы наукой, а въ томъ, какимъ образомъ возможна наука, которая не была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и философіей. Если до сихъ поръ далеко не всѣ науки могутъ быть отожествлены съ философіей, то это происходитъ отъ ихъ незрѣлости. И такъ, новокритическая школа въ концѣ-концевъ сводитъ все различіе между наукой и философіей къ двумъ послѣдовательнымъ моментамъ въ развитіи мысли.

Несовершенная стадія этого развитія проявляется въ наукѣ, высшая степень познанія есть философія.

Но какимъ образомъ опредѣлить эту высшую степень—вотъ вопросъ! Наука, какъ и все въ природѣ, находится въ вѣчномъ движеніи; жизнь ея заключается въ борьбѣ нарождающихся и гибнущихъ идей. Что сегодня представляется высшимъ знаніемъ, завтра теряетъ свою цѣну или отодвигается на второй планъ, благодаря новымъ побѣдамъ ума. На ряду съ развитіемъ теоріи идетъ накопленіе фактовъ, и, не смотря на величайшія научныя обобщенія, знаніе въ наши дни представляется, быть можетъ, еще менѣе цѣльнымъ и объединеннымъ, чѣмъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ.

Современная наука не только не знаетъ окончательныхъ и всеобъемлющихъ понятій, но даже не признаетъ ихъ, потому что обобщеніе, объединяющее всѣ факты и частные выводы въ одномъ окончательномъ вѣчномъ понятіи, являлось бы именно той абсолютной истиной, къ которой тщетно стремились метафизики и которая, по общепризнанному мнѣнію, ле-

житъ внѣ области научнаго изслѣдованія. Но разъ всякое обобщеніе представляетъ лишь ступень къ другому высшему понятію, и граница между частными, спеціальными и общими научными выводами не можетъ быть установлена, то опредѣленіе философіи, въ смыслѣ Авенаріуса, К. Геринга, Паульсена, представляется крайне безсодержательнымъ

Въ самомъ дѣлѣ, сказать, что философія есть ни что иное какъ наука, достигшая высшей степени своего развитія,—это значитъ сознаться въ безплодности какой бы то ни было философіи и свести все значеніе ея къ простому научному термину. Если послѣдовательно провести этотъ взглядъ, то окажется, что Сократъ, Декартъ, Лейбницъ, Фихте, Гегель и всѣ вообще писатели, которыхъ принято считать философами, никакого отношенія къ философіи, съ точки зрѣнія Авенаріуса, не имѣютъ, а такіе ученые, какъ Менделѣевъ, Гельмгольцъ, Тиндалль, которые спеціально философіей не занимались и сами считаютъ себя лишь спеціалистами по химіи, физіологіи, физикѣ и т. д., должны быть все-таки признаны философами лишь на томъ основаніи, что они стоятъ выше ученой посредственности и обладая творческимъ умомъ, дошли до высшихъ обобщеній по своей спеціальности. Очевидно, здѣсь кроется недоразумѣніе: высшая степень обобщенія, сама по себѣ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для научной философіи.

Это лишь одинъ изъ ея признаковъ, которымъ отличаются и нѣкоторыя спеціально-научныя понятія. Но въ философскихъ обобщеніяхъ можно подмѣтить кромѣ того еще характерныя черты. Въ чемъ же онѣ заключаются? Возьмемъ, напр., такія высокія научныя обобщенія, какъ понятіе силы и матеріи, лежащее въ основѣ естествознанія, и что же оказывается: съ точки зрѣнія спеціальныхъ наукъ ихъ положительное зна-

ченіе не подлежитъ сомнѣнію; химикъ говоритъ объ удѣльномъ вѣсѣ атомовъ, какъ о чемъ-то дѣйствительномъ, физикъ, для объясненія свѣтовыхъ явленій, вводитъ понятіе эфира, однако, только неучъ можетъ утверждать, что чистая сила и матерія на самомъ дѣлѣ существуютъ, что эфиръ то же, что и воздухъ, и что недѣлимый атомъ также реаленъ для насъ, какъ лошадь или домъ, которыя мы видимъ въ данную минуту. Вовсе нѣтъ: это лишь отвлеченныя понятія, т.-е. до нѣкоторой степени фикціи, которыми пользуется наука по необходимости, какъ средствомъ для объясненія явленій. Подобныхъ понятій въ наукѣ много. Дюрингъ, въ своей докторской диссертаціи, очень опредѣленно указалъ на этотъ относительный, отчасти даже мистическій характеръ высшихъ математическихъ формулъ, и вопросъ о томъ, какимъ образомъ эти формулы, представляющія нарушеніе границъ реальной возможности, тѣмъ не менѣе оправдываются въ ихъ примѣненіи къ дѣйствительности, является однимъ изъ самыхъ основныхъ и интересныхъ вопросовъ въ научной философіи.

Во всякомъ случаѣ развитіе человѣческой мысли едва-ли можетъ остановиться на подобныхъ отвлеченныхъ понятіяхъ. Правда, наука поневолѣ удовлетворяется этими понятіями и на нихъ строитъ свои выводы, но можетъ-ли ими удовлетвориться философія?— вотъ вопросъ!

Безъ сомнѣнія, если бы человѣкъ могъ смотрѣть на вселенную, на общество и на жизнь со стороны, какъ, согласно съ религіозными воззрѣніями, смотритъ на все существующее Творецъ, для котораго земля есть лишь „глина въ рукахъ горшечника“, то человѣческая наука давала бы вполнѣ достовѣрное, объективное знаніе, и общія, основныя положенія ея были-бы не условны, а, напротивъ, вполнѣ бы совпа-

дали съ дѣйствительностью. Тогда бы не было сомнѣній и философскихъ споровъ.

Но это вѣдь мечта! Человѣкъ не въ силахъ возвыситься до такого безпристрастнаго, механическаго міросозерцанія. Однако, насколько это возможно, онъ стремится осуществить его посредствомъ науки, принимая за критерій научной достовѣрности соотвѣтствіе научныхъ выводовъ съ механизмомъ изслѣдуемыхъ явленій. Въ этомъ смыслѣ, законы Кеплера и Ньютона представляютъ высшій идеалъ научнаго совершенства. Къ этому же идеалу стремится и соціологъ, устанавливающій, на основаніи статистическихъ данныхъ, сведенныхъ въ среднія цифры рожденій, браковъ, преступленій, смертей и т. д., общіе законы соціальнаго движенія. И если, дознанная путемъ наблюденія, послѣдовательность въ явленіяхъ позволяетъ предвидѣть, что въ извѣстный моментъ совершится извѣстное событіе, то, значитъ, мы постигли механизмъ данныхъ явленій. Но у насъ пока нѣтъ никакой надежды раскрыть механизмъ вселенной и такимъ образомъ дойти до вѣчнаго знанія. Въ силу такой невозможности, съ одной стороны, и недостаточности даже высшихъ научныхъ обобщеній, съ другой— и является необходимость въ философіи, какъ въ наукѣ, восполняющей и завершающей систему знаній.

X.

Съ философской точки зрѣнія наука непредставляетъ законченной системы, которая заключаетъ въ себѣ все знаніе, добытое тысячелѣтнимъ трудомъ человѣчества. Правда, многіе близорукіе ученые и даже философы съ презрѣніемъ относятся къ обыденному

здравому смыслу и міросозерцанію народовъ и, преувеличивая, безъ того громадное, значеніе науки, истиной считаютъ только то, что облечено въ строго-логическую форму и занесено на скрижали научныхъ сочиненій. Однако, такой доктринерскій взглядъ не выдерживаетъ исторической критики, и довольствоваться имъ можетъ развѣ чахлый чиновникъ науки, чернильная душа, но не философъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Начала знанія разсѣяны во всѣхъ проявленіяхъ человѣческаго духа: въ дѣйствующемъ правѣ, въ религіи, въ искусствахъ и даже—въ обычаяхъ народныхъ. Наука — лишь систематическое и формальное выраженіе непрерывнаго опыта человѣчества; чтобы вполнѣ понять достоинство и истинный смыслъ ея выводовъ, необходимо изучить ихъ исторически, въ связи съ другими фактами всеобщаго умственнаго развитія.

И такъ, сравнительно-историческій методъ для философіи вообще имѣетъ такое же громадное значеніе, какое уже признано за нимъ въ области философіи права. Распространяя на этотъ предметъ извѣстное воззрѣніе Альберта Поста [1]), можно положительно сказать, что, съ развитіемъ научной философіи, въ смыслѣ основы общей системы знаній, не будетъ больше рѣчи о философіи и философіи исторіи, какъ о двухъ отдѣльныхъ наукахъ. Общая теорія знанія придетъ въ тѣснѣйшую связь съ сравнительно-историческимъ его изученіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ философія отказалась отъ надежды достигнуть абсолютнаго знанія, цѣль ея можетъ заключаться единственно лишь въ изученіи законовъ знанія относительнаго, путемъ уясненія неизмѣнной послѣдовательности въ проявленіяхъ человѣческой мысли. Одно только можетъ при-

[1]) Bausteine fur allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichende ethnologischer Basis, 1880, I Band, S 2.

вести человѣчество къ постоянному міру, говоритъ Ланге *), именно, когда будетъ познана непреходящая природа всякаго творчества въ искусствѣ, религіи и философіи, и когда, на основаніи этого познанія, распря между изслѣдованіемъ и творчествомъ будетъ навсегда примирена. „Одно вѣрно, что человѣку нужно дополненіе дѣйствительности посредствомъ имъ самимъ созданнаго идеальнаго міра". Наука даетъ намъ лишь знаніе дѣйствительности, религія и искусства открываютъ предъ нами волшебный идеальный міръ. Мы сознаемъ глубокое противорѣчіе между этими двумя мірами, и здѣсь то на помощь намъ приходитъ философія.

Цѣль ея слѣдовательно—примирить, по возможности, посредствомъ всесторонняго знанія, творческій синтезъ съ духомъ изслѣдованія. Сообразно съ этой цѣлью, философскіе выводы отличаются отъ научныхъ не только высшей степенью общности, но сверхъ того и большей цѣльностью, **) связностью, болѣе глубокимъ сознаніемъ того, чѣмъ люди живы и что составляетъ сущность общечеловѣческаго умственнаго развитія

XI.

Нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, великій Будда, впервые соединившій въ своемъ ученіи философскія и религіозныя стремленія, умирая, предсказалъ, что раньше или позже духъ человѣческій долженъ достигнуть полнаго своего развитія.

И это убѣжденіе воодушевляло лучшіе умы древняго и новаго міра въ трудной борьбѣ съ всеобщимъ

*) Ланге —«Исторіи матеріализма», пер. Н Н. Страхова, т. II, стр. 481, 468

**) Взглядъ Ланге «Философія есть нѣчто большее, чѣмъ творческое умозрѣніе. она обнимаетъ и логику, критику, теорію познанія» —Тамъ же, стр. 465

невѣжествомъ. Ѳалесъ, Анаксимандръ, Анаксагоръ, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова создавшіе грубыя, философскія системы, въ которыхъ всѣ явленія сводятся къ дѣйствію стихій: воды, воздуха, огня,—точно также стремились посредствомъ философіи своей осуществить высшій идеалъ человѣческаго развитія, какъ и творцы новыхъ метафизическихъ системъ: Шеллингъ, Гегель, Фихте, сводившіе все на дѣйствіе духовныхъ началъ.

Всѣ эти философы сходились въ томъ отношеніи, что лучшимъ средствомъ для осуществленія идеала развитія считали абсолютное знаніе. Далѣе мы видимъ, что сущность философскихъ умозрѣній не измѣняется даже тогда, когда люди извѣрились въ возможности достигнуть вѣчной истины. Контъ, ограничивая область нашего знанія, все-таки опредѣленно указываетъ философіи ту же завѣтную цѣль—возможно точное и совершенное знаніе, которое одно, по его мнѣнію, ведетъ къ объединенію науки и общества. И если отбросить всѣ второстепенныя черты различныхъ философскихъ системъ, то окажется, что въ стремленіи къ этой цѣли такъ или иначе сходятся философы самыхъ отдаленныхъ эпохъ и самыхъ противоположныхъ направленій.

Вмѣстѣ съ развитіемъ народовъ растетъ и сознаніе необходимости ихъ умственнаго объединенія. Идея эта, озарявшая въ темныя времена лишь немногихъ избранниковъ—геніевъ, постепенно проникаетъ въ сознаніе людей, становится крупнымъ историческимъ фактомъ, въ всесторонненъ изученіи котораго и заключается прежде всего задача философіи, цѣль-же науки—въ познаніи внѣшняго міра, по возможности, независимо отъ человѣческихъ стремленій. Философъ изучаетъ не столько факты, сколько выводы изъ нихъ вытекающіе, систематизируя и оцѣнивая все по степени вліянія на умствен-

ное развитіе человѣчества. Съ научной точки зрѣнія человѣкъ есть лишь ничтожный винтикъ въ механизмѣ природы, съ философской точки зрѣнія весь міръ объединяется лишь въ сознаніи человѣка, а потому сознаніе это и становится на первый планъ въ высшемъ развитіи мысли.

Это объединеніе и составляетъ предметъ философскаго изученія, поскольку оно является въ данный моментъ совершившимся фактомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — идеалъ его, въ смыслѣ высшей цѣли, къ которой необходимо должны стремиться люди, чтобы избѣгнуть умственной, а слѣдовательно и соціальной анархіи. Сто лѣтъ тому назадъ Кантъ, указывая на громадную задачу философіи, замѣтилъ, что можно быть философомъ - творцемъ, но изучить философію, какъ всякую другую науку, нельзя. Въ его время дѣйствительно можно было спросить: „гдѣ философія? Кто владѣетъ ею? и по какимъ чертамъ можно узнать ее *)?“

Въ наши дни, благодаря наукѣ, дѣло умственнаго объединенія человѣчества настолько подвинулось впередъ, что можно уже предвидѣть время, когда философія ляжетъ въ основу системы образованія, когда ее будутъ преподавать въ школахъ, какъ преподаютъ теперь математику, и когда, наконецъ, наши идеалы не будутъ находиться въ противорѣчіи съ знаніемъ, а, напротивъ, знаніе станетъ высшимъ идеаломъ общечеловѣческаго развитія.

По мѣрѣ того, какъ выясняется истинный смыслъ переворота въ умственномъ развитіи и правосознаніи современной Европы, философія вновь начинаетъ пріобрѣтать ею утраченное значеніе.

И въ наше время, какъ въ глубокой древности, она стремится къ всеобщему единству, только ору-

*) «Критика чистаго разума» стр 616 и 617

діемъ ея является уже не абсолютное знаніе, а наука, то-есть общечеловѣческое знаніе.

И такъ, философія есть наука, изслѣдующая законы, средства и нормы умственнаго объединенія человѣчества *). Этимъ вполнѣ опредѣляется ея значеніе въ ряду другихъ наукъ и отношеніе ея къ религіи. Очевидно, философія въ этомъ смыслѣ осуществляетъ стремленія предшествующихъ философій. Она, такъ сказать реализируетъ ихъ, замѣняя произвольныя понятія абсолютной истины относительнымъ научно-достижимымъ понятіемъ истины человѣческой, т.-е. истины для всего человѣчества.

Прежде философы, отправляясь отъ эфемерныхъ фактовъ своего сознанія, думали, что достигли абсолютной, вполнѣ объективной истины. Современная философія, напротивъ, принимая за точку своего отправленія реальные, общепризнанные выводы, стремится лишь къ ограниченной, до нѣкоторой степени даже субъективной, истинѣ. Это высшая степень человѣческаго самосознанія. Это дѣйствительно новый, высшій и послѣдній фазисъ въ общечеловѣческомъ умственномъ развитіи. Человѣкъ, наконецъ, освобождается отъ тысячелѣтнихъ иллюзій и неразрывно связанныхъ съ ними страданій и въ сознаніи предѣловъ своей дѣятельности, въ отреченіи отъ невозможнаго, постепенно достигаетъ высшей степени земнаго могущества и счастья.

Философія, такъ понимаемая, является величайшимъ торжествомъ человѣчества, внося свѣтъ въ высшія сферы знанія, въ ту темную область, гдѣ до сихъ

*) Считаю необходимымъ замѣтить, что синтезъ знанія, основанный на идеѣ человѣчества, не долженъ отожествляться съ религіознымъ культомъ этой идеи, составляющимъ основу Контовой религіи — Сравн. Д. С Миллъ «О. Контъ и Позивитизмъ», стр 120 до 132, и Г Льюисъ «Философія наукъ О. Конта», стр. 365—370, пер. подъ ред Н Неклюдова и П. Тиблена, СПБ., 1867 г.

поръ царилъ полный произволъ и суевѣріе. Опредѣляя высшую, всеобщую идею въ системѣ наукъ, уничтожая такимъ образомъ основаніе большинства теоретическихъ недоразумѣній нашего смутнаго, переходнаго времени, она оказываетъ величайшую, не только теоретическую, но и практическую пользу, она довершаетъ побѣду разума, приближаетъ время необходимой реорганизаціи соціальныхъ отношеній на строго научныхъ основаніяхъ. Но, чтобы достигнуть этой завѣтной цѣли, современная философія должна быть прежде всего человѣчной *) и стремиться, по возможности, къ научному рѣшенію жизненныхъ вопросовъ. Она должна, такъ сказать, перевести на научный языкъ общечеловѣческіе идеалы правды и красоты, устранить изъ своей области то, что, по существу своему, не можетъ быть предметомъ знанія и придать вѣчнымъ и пока еще безотчетнымъ стремленіямъ человѣка къ истинѣ, форму научныхъ теорій или по крайней мѣрѣ—гипотезъ, заключающихъ въ себѣ вѣроятное предположеніе того, что современемъ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія, можетъ открыть опытъ и размышленіе. Стало быть, въ основѣ нарождающагося философскаго міросозерцанія лежитъ все тотъ же вѣчный, жгучій вопросъ всѣхъ отжившихъ и существующихъ философскихъ системъ—вопросъ: въ чемъ истина? Разница лишь въ томъ, что до сихъ поръ всякій философъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ по своему. Истина, въ теченіи многихъ лѣтъ, представлялась какой-то чуть-ли не сверхъ-естественной тайной, которую суждено разгадать счастливому избраннику, и философы-метафизики, до нѣкоторой степени, являлись пророками, стремясь сплошь и рядомъ къ рѣшенію чисто-религіозныхъ вопросовъ и посягая на убѣжденія

*) Ср. рѣчь проф. Н П Вагнера, напеч. въ рѣч. и прот. VI съѣзда рус. естествоиспытателей и врачей, стр 39—47.

вѣрующихъ. Лишь послѣ страшныхъ разочарованій и вѣковыхъ безплодныхъ усилій люди поняли, наконецъ, простую, въ сущности, вещь, что познать сверхъ-естественное и абсолютное невозможно, такъ какъ абсолютное и есть именно то, чего мы не знаемъ, или не можемъ знать и во что мы можемъ только вѣрить въ силу свойственной человѣку потребности смотрѣть на жизнь не только какъ на нелѣпое сновидѣніе, но и какъ на дѣйствительность, въ которой можно, до нѣкоторой по крайней мѣрѣ степени, прослѣдить отраженіе высшей вѣчной правды. Въ сущности, вѣрованіе это, хотя и безотчетно, легло въ основу науки. Но основной философскій вопросъ объ истинѣ въ современномъ философскомъ міросозерцаніи постепенно сводится къ вопросу о предѣлахъ, условіяхъ и средствахъ научнаго знанія. Высшей, объединяющей идеей является уже не понятіе объ абсолютной окончательной истинѣ, а формула безконечнаго развитія путемъ всесторонняго знанія. Для современнаго философа достаточно убѣжденія, что знаніе вообще возможно и что только въ знаніи вообще заключается возможность общечеловѣческаго развитія и счастья.

XII.

Но вотъ вопросъ: какъ опредѣлить и установить всеобъемлющую формулу общечеловѣческаго развитія? Достаточно-ли для осуществленія этой задачи тѣхъ средствъ и пріемовъ, какіе уже выработаны современной наукой? Позитивная школа, какъ извѣстно, рѣшаетъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, исключая изъ области философіи все, что не подлежитъ точной научной провѣркѣ; метафизики, напротивъ, стремятся къ рѣшенію философскихъ проблеммъ на основаніи чисто-раціональныхъ выво-

довъ, высшимъ критеріемъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, является исключительно логическая, а не фактическая необходимость. Представители ново-кантіянскаго и научно-критическаго направленія въ германской философіи ищутъ исхода въ примиреніи этихъ двухъ крайнихъ направленій, путемъ сочетанія общенаучныхъ пріемовъ съ чисто-философскимъ методомъ, установленнымъ еще Кантомъ и заключающимся въ критическомъ изслѣдованіи источниковъ познанія, на основаніи его окончательныхъ выводовъ, и наоборотъ. Это послѣднее направленіе представляется болѣе вѣрнымъ, но путь дальнѣйшаго философскаго развитія еще не изслѣдованъ въ надлежащей степени, и современная философія, не успѣвшая окончательно опредѣлить свои принципы, то и дѣло съ него сбивается. Однако, вѣяніе новыхъ идей уже замѣтно сказывается. Въ наши дни, за исключеніемъ развѣ безусловныхъ послѣдователей Ог. Конта, едвали еще найдутся философы, которые, подобно основателю позитивизма, стремились-бы пріурочить философію къ соціологіи, или къ другой какой-либо специальной наукѣ. Очевидно, что умственное и социальное объединеніе не одно и тоже—и что послѣднее, обусловленное преимущественно соціальнымъ инстинктомъ и роковой, исторической необходимостью, совершается въ значительной степени безсознательно и подчасъ даже находится въ противорѣчіи съ философскими стремленіями къ умственному объединенію человѣчества. Но пока не выяснены окончательно законы и средства общечеловѣческаго объединенія и не опредѣлена такимъ образомъ современная жизненная задача философіи, кризисъ въ умственномъ развитіи Европы XIX вѣка не можетъ считаться законченнымъ, и попытки реакціи въ пользу низверженной и доживающей свой вѣкъ метафизики

являются печальнымъ симптомомъ продолжающагося броженія. Краснорѣчивымъ потвержденіемъ высказаннаго взгляда служитъ для насъ статья г-на Чичерина подъ заглавіемъ „Положительная философія и единство науки“ *), уже потому, — что она принадлежитъ извѣстному ученому профессору, напечатана въ единственномъ русскомъ спеціально-философскомъ журналѣ и даже удостоена, за разборъ одного изъ положеній Ог. Конта, половинной преміи отъ жюри, въ составъ котораго вошли выдающіеся представители философской науки въ Россіи. Замѣтивъ, что основатель позитивизма, не смотря на отрицательное отношеніе къ философіи въ общепринятомъ смыслѣ, признавалъ тѣмъ не менѣе„ основную всеобщность разума“ („cette universalité fondamentales des lois intellectuelles“), какъ необходимый принципъ этой науки, проф. Чичеринъ находитъ, что подобнымъ признаніемъ Контъ самъ подрывалъ основанія созданной имъ позитивной системы, такъ какъ, допустивъ „основную всеобщность разума“, мы получаемъ новою точку опоры—въ логической необходимости, составляющей основаніе всякой дедукціи. „Однако индукція и дедукція не могутъ дать намъ полнаго знанія явленій человѣческаго духа; послѣднее можетъ быть достигнуто только посредствомъ діалектическаго или метафизическаго метода“. Метафизика, продолжаетъ г. Чичеринъ, стоитъ на одной почвѣ съ математикою, также какъ послѣдняя, она идетъ чисто дедуктивнымъ путемъ, по законамъ логической необходимости, но содержаніе ея несравненно сложнѣе. Математика имѣетъ дѣло съ однородными количественными понятіями и опредѣленіями, метафизика—съ разнородными качественными.

*) «Вопросы философіи и психологіи», подъ редакц. проф. Н. Я. Грота, годъ 3, кн 13, стр 12—15

Развитіе первой идетъ путемъ присоединенія новыхъ точекъ зрѣнія къ прежнимъ, развитіе второй—путемъ послѣдовательной замѣны одной точки зрѣнія другою. Вслѣдствіе этого добытое математикою остается постояннымъ достояніемъ науки, а добытое метафизикою, то устраняется, то снова получаетъ преобладаніе; надобно каждый разъ начинать съизнова. Выдти изъ этихъ колебаній возможно только сведеніемъ къ общему итогу всѣхъ метафизическихъ точекъ зрѣнія и опредѣленіемъ какъ взаимнаго ихъ отношенія, такъ и отношенія ихъ къ опытнымъ даннымъ. Это и составляетъ ближайшую задачу философіи, въ исполненіи которой, съ методологической точки зрѣнія, математика и естествознаніе должны служить главными руководителями и образцами". „Метафизика составляетъ высшую область человѣческаго знанія, и одна въ состояніи ввести въ науку желанное единство". „Она—начало и конецъ всякаго знанія". Это есть наука пониманія. Введеніемъ метафизики въ область положительнаго знанія и установится желанное „единство науки".

Да, это единство раньше или позже будетъ установлено, потому что истинное знаніе должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщимъ. Но задача умственнаго объединенія, составляющая весь смыслъ умственныхъ стремленій XIX вѣка, не можетъ быть рѣшена метафизикой. По-крайней мѣрѣ до сихъ поръ она была запечатлѣна преимущественно отрицательнымъ характеромъ, и метафизическій методъ, заключающійся въ „послѣдовательной замѣнѣ одной точки знанія другою", оказался совершенно непригоднымъ для созданія преемственной общечеловѣческой философіи. И это вполнѣ понятно: вѣдь вся цѣнность научныхъ и философскихъ выводовъ опредѣляется ихъ долговѣчностью. Истинное знаніе,

являясь результатомъ коллективнаго, преемственнаго опыта цѣлаго ряда поколѣній, составляетъ достояніе всего человѣчества, а добытое метафизикою, какъ признаетъ и Г. Чичеринъ, „то устраняется, то снова получаетъ преобладаніе; надобно всякій разъ начинать съизнова". Какой же это методъ?.. Неудивительно, что метафизическія системы, построенныя по этому методу, падали, какъ карточные домики, отъ малѣйшаго толчка. Проф. Чичеринъ полагаетъ, что можно „выдти изъ этихъ постоянныхъ колебаній" „сведеніемъ къ общему итогу всѣхъ метафизическихъ точекъ зрѣнія и опредѣленіемъ какъ взаимнаго ихъ отношенія такъ и отношенія ихъ къ опытнымъ даннымъ". Но вѣдь уже дознано, что, по крайней мѣрѣ всѣ существовавшія до сихъ поръ, метафизическія системы находились въ непримиримой враждѣ и съ опытными данными, и между собою. Какимъ же образомъ свести „къ общему итогу всѣ метафизическія точки зрѣнія", когда точки зрѣнія даже такихъ выдающихся метафизиковъ какъ Гегель и Шопенгауэръ настолько различны, что послѣдній, не стѣсняясь, называетъ перваго шарлатаномъ? Въ томъ-то и бѣда, что метафизики всѣхъ направленій страдали однимъ общимъ порокомъ—высокомѣрнымъ довѣріемъ лишь къ своимъ личнымъ взглядамъ—и стремились навязать свои теоріи не только человѣчеству, но и вселенной, отожествляя свои отвлеченныя понятія съ „сущностью вещей". Отъ этой несостоятельной претензіи, на ряду съ другими, не отрѣшился и г. Чичеринъ. „Опытъ раскрываетъ намъ міръ явленій, говоритъ онъ, но истина, которая есть вѣчное начало, лежитъ не въ измѣняющихся явленіяхъ, а въ пребывающихъ сущностяхъ. Явленія служатъ только указаніями на лежащія въ основаніи ихъ сущности, которыя составляютъ истинный предметъ знанія; суш-

ности же познаются не внѣшними чувствами, а разумомъ" „Онъ возводитъ частное къ общему на основаніи собственныхъ законовъ, которые и суть законы метафизики".

Безъ сомнѣнія, въ области науки и философіи верховнымъ законодателемъ является человѣческій разумъ, но онъ не воплощается въ отдѣльныхъ личностяхъ и не глаголетъ устами Гегеля, Шопенгауэра и Фихте, ибо законы истины не даны готовыми въ личномъ сознаніи, а вырабатываются послѣдовательно, преемственнымъ трудомъ народовъ и поколѣній. Только въ связи съ результатами этого коллективнаго труда, проявляющагося въ развитіи научныхъ знаній, умственная дѣятельность геніальныхъ философовъ пріобрѣла великое историческое значеніе. Въ наукѣ менѣе всего нужны пророки и чревовѣщатели... рѣшающіе все по „внутреннему голосу".

Проф. Чичеринъ говоритъ намъ, что „истина лежитъ не въ измѣняющихся явленіяхъ, а въ пребывающихъ сущностяхъ". Прекрасно! Но надо прежде доказать, что такія сущности представляютъ нѣчто реальное, надо выяснить ихъ настоящую природу и указать соотвѣтственный методъ для разрѣшенія этой задачи, чего метафизики не выполнили, да, безъ сомнѣнія, не выполнятъ до тѣхъ поръ, пока будутъ основывать свои выводы исключительно на субъективной логической необходимости. Современная наука и положительная философія, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, уже осудили подобные метафизическіе пріемы въ области философскаго мышленія, и этотъ приговоръ, на ряду съ всеобщимъ признаніемъ, выпавшемъ на долю аналогичныхъ по методу, математическихъ выводовъ, невольно заставляетъ насъ задуматься надъ вопросомъ: почему именно философская дедукція не привела до сихъ поръ въ об-

ласти этическихъ и логическихъ задачъ къ такимъ же безспорнымъ, общепризнаннымъ положеніямъ, какія мы находимъ въ математикѣ? Почему самыя существенныя философскія понятія служатъ предметомъ вѣчныхъ споровъ? Очевидно, въ вопросахъ столь сложныхъ, какъ философскіе, при выработкѣ общихъ формулъ для понятій разнородныхъ и глубоко затрогивающихъ нашу жизнь, невозможно довольствоваться исключительно метафизическимъ принципомъ субъективной логической необходимости, ибо то, что кажется совершенно безспорнымъ и логически-неизбѣжнымъ философу-метафизику, съ точки зрѣнія позитивиста, можетъ представляться до крайности нелѣпымъ и произвольнымъ. Вотъ почему послѣдователи Гегеля, Шопенгауэра, Канта и Конта вѣка будутъ спорить и все-таки не поймутъ другъ друга и не столкуются до тѣхъ поръ, пока не будетъ установленъ въ философіи исторически-неизбѣжный и для всѣхъ равно безспорный принципъ, опредѣляющій степень достовѣрности и разумности различныхъ субъективныхъ философскихъ понятій и дѣйствительно ихъ объединяющій. Такимъ принципомъ въ современной философіи является идея человѣчества, ибо истинно справедливо, разумно и прекрасно только то, что не погибаетъ вмѣстѣ съ личностью и народомъ, что равно обязательно для всѣхъ людей, независимо отъ ихъ сословныхъ и національныхъ различій, и что поэтому вѣчно живетъ въ сознаніи непрерывно смѣняющихся поколѣній и всегда воодушевляло величайшихъ геніевъ и героевъ въ борьбѣ ихъ съ національными и сословными предразсудками. Въ розысканіи этого безсмертнаго, животворящаго начала въ умственномъ развитіи человѣчества и заключается сущность философскаго или діалектическаго метода.

Очевидно, что этотъ методъ не ограничивается

„сведеніемъ къ общему итогу всѣхъ метафизическихъ точекъ зрѣнія“ и не довольствуется субъективтой, и поэтому обманчивой, логической необходимостью, но, путемъ двойственной критической оцѣнки научныхъ и философскихъ основоположеній, по мѣрѣ соотвѣтствія ихъ съ научно-дознанной послѣдовательностью вещей и по степени необходимости ихъ въ умственномъ развитіи человѣчества, стремится установить такую формулу этого развитія, въ которой было бы послѣдовательно исключено все личное, случайное, скоропреходящее, одностороннее и которая поэтому удовлетворяла бы вполнѣ великой философской задачѣ умственнаго объединенія людей.

Ог. Контъ и позитивисты отчасти уже подготовили для этого почву, опредѣливъ естественные предѣлы и цѣли научнаго развитія. Послѣ того, какъ невозможность абсолютнаго раціональнаго знанія болѣе или менѣе сознана, и абсолютное стало предметомъ вѣры, устранена коренная причина старой, традиціонной вражды между религіей и философіей. И по мѣрѣ того, какъ выясняется истинная природа человѣческаго разума и чувства — становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что цѣли умственнаго и религіознаго объединенія человѣчества, по существу, не могутъ находиться въ непримиримомъ противорѣчіи. Съ другой стороны, благодаря новѣйшимъ философскимъ изысканіямъ, постепенно устраняется, провозглашенное позитивизмомъ, отожествленіе философіи съ наукой вообще и въ особенности съ близкой къ ней по задачѣ и отчасти по методу—соціологіей *). Очевидно, что, стремясь къ изслѣдованію процессовъ знанія въ его основныхъ, общечеловѣческихъ проявленіяхъ, фи-

*) Контъ, какъ извѣстно, совершенно отрицалъ научное значеніе психологическаго метода и стремился пріурочить философію къ соціологіи, какъ заключительной и наиболѣе сложной наукѣ въ установленной имъ іерархіи.

лософія раньше или позже должна занять по отношенію къ соціологіи, психологіи и вообще къ цѣлой группѣ конкретныхъ гуманитарныхъ наукъ такое же господствующее, руководящее положеніе, какое уже признано за математикой относительно физики, химіи, астрономіи. Единственно-возможная развязка все еще продолжающагося умственнаго кризиса, вызваннаго революціонными увлеченіями, преувеличенными надеждами и метафизическимъ стремленіямъ къ абсолютному знанію, и заключается въ установленіи общечеловѣческихъ философскихъ опредѣленій истины, справедливости и красоты.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По своему переходному характеру конецъ XIX вѣка отчасти напоминаетъ послѣднія предразсвѣтныя мгновенія, когда звѣзды уже меркнутъ, а заря еще не разгорѣлась на горизонтѣ, и все кругомъ находится въ тревожномъ ожиданіи.

Великія идеи, созданныя въ эпоху всеобщаго невѣжества и суевѣрія геніальными мыслителями и озарявшія съ недосягаемой высоты, подобно путеводнымъ звѣздамъ, земную жизнь, постепенно какъ будто угасаютъ среди всеобщей сутолки и говора пробуждающейся толпы. Но не погибнутъ великія стремленія прошлаго, ибо только призраки и ночныя птицы боятся свѣта, а все, что истинно, что создано для жизни должно проснуться съ наступленіемъ дня.

Весь смыслъ настоящей эпохи и заключается въ борьбѣ убѣжденій съ потребностями и страстями, въ ассимиляціи идей жизнью. Очевидно, въ концѣ-концевъ

восторжествуютъ только тѣ идеи, которыя выдержатъ напоръ дѣйствительности и окажутся вполнѣ жизнеспособными. Въ области философіи эта борьба сказалась послѣдовательной смѣной цѣлаго ряда призрачныхъ метафизическихъ системъ и паданіемъ вѣры въ возможность абсолютнаго знанія наряду съ безпримѣрнымъ въ исторіи развитіемъ научныхъ знаній. А такое развитіе неизбѣжно должно привести раньше или позже къ сознанію необходимости умственнаго объединенія человѣчества. И эта послѣдняя идея не заключаетъ въ себѣ полнаго отреченія отъ философскихъ стремленій къ абсолютной истинѣ, а только естественную модификацію этихъ стремленій въ духѣ времени. Вѣдь, въ сущности, философы всѣхъ временъ и направленій отъ Аристотеля, Сократа и Платона до Канта, Гегеля и Гартмана включительно, стремились только къ такому полному и совершенному знанію, которое могло бы сохранить свою силу навсегда и стать выше всякихъ предразсудковъ и крайностей. Но прежде философы полагали, что только абсолютное знаніе можетъ быть конечной цѣлью человѣческихъ стремленій, а теперь, при сознанной невозможности абсолютнаго, довольствуются идеей знанія общечеловѣческаго, которая поэтому представляетъ лишь болѣе опредѣленную, научную формулу, объединяющую различныя философскія системы.

Въ сущности, нѣкоторыя начала идеи человѣчества мы находимъ уже въ самой глубокой древности, въ монотеизмѣ, ибо это вѣрованіе въ единую высшую цѣль и причину вселенной, въ единую вѣчную истину для всѣхъ людей, необходимо предполагаетъ нѣкоторое единство въ личныхъ и національныхъ убѣжденіяхъ, законахъ, стремленіяхъ, словомъ—человѣчество въ высшемъ смыслѣ этого слова. Но вѣдь и всякое общество

возможно лишь при условіи нѣкотораго умственнаго и нравственнаго единства въ человѣческихъ отношеніяхъ. Стало быть, во всѣхъ предшествующихъ цивилизаціяхъ и философскихъ системахъ, въ той или другой формѣ, заключался уже основной принципъ совершеннѣйшаго жизненнаго объединенія личнаго сознанія съ стремленіями человѣчества. Но послѣ французской революціи принципъ этотъ постепенно теряетъ свой неопредѣленный, абстрактный характеръ. Онъ не ограничивается и не исчерпывается философскими системами и революціонными доктринами, но выражается въ западно-европейскомъ законодательствѣ и международныхъ трактатахъ, даже въ томъ случаѣ, когда подобныя постановленія направлены къ упроченію традиціоннаго порядка вещей. Очевидно, потребность умственнаго, торгово-промышленнаго и соціальнаго общенія между различными народами въ наше время сказывается уже съ такою силою, что ее приходится принимать во вниманіе даже въ чисто политическихъ отношеніяхъ. Основная философская идея умственнаго объединенія неизбѣжно возникаетъ на почвѣ торгово-промышленныхъ, соціальныхъ и литературныхъ международныхъ сношеній, и чрезъ потоки крови, пролитой въ безумной борьбѣ, черезъ преграды воздвигнутыя лживыми софистами и злобными дѣльцами нашихъ дней, человѣчество неудержимо стремится къ этому объединенію, и никогда, быть можетъ, необходимость общенія въ области идей и идеаловъ не чувствовалось съ большей силой, какъ въ теченіи XIX вѣка.

КОНЕЦЪ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ